

СООБЩЕНИЯ
ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

III

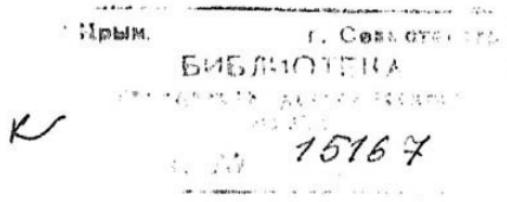
#5167

К РЫМ ИЗДАТ · 1963

63.4(2)Уеро
С.Б.З.

СООБЩЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

III

К Р Ы М И З Д А Т
Симферополь — 1963

Печатается по решению Ученого совета
Херсонесского музея

Редактор *B. B. Борисова*

A. ПУБЛИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

П. Н. ШУЛЬЦ

НАДГРОБНЫЙ РЕЛЬЕФ ИЗ с. МАРЬИНО

В 1958 г. колхозник Н. Л. Свинарев сообщил, что в с. Марьино (б. Джан-Баба) находится плита с изображениями¹. При осмотре памятника выяснилось, что плита с рельефами и греческой надписью² была найдена еще в 1938 г. во время распашки кургана (выс. 0,60 м, диам. 9 м) на могильнике позднескифского городища Джан-Баба³. Рельеф (рис. 1) перевезен в Симферополь и экспонирован в областном музее.

Надгробие представляет собой плиту из мшанкового известняка⁴. Плита продолговатой, четырехугольной формы, книзу она суживается и заканчивается шипом, рассчитанным на каменную базу⁵. Высота надгробия с шипом 1,18 м, ширина вверху 0,66 м, внизу 0,55 м, толщина 0,22 м. Наиболее грубо обработана тыльная сторона, менее грубо боковые стороны и шип, более тщательно — лицевая поверхность. Сохранность в общем хорошая, повреждены верхние углы, местами рамка. Есть небольшие выбоины, поверхность рельефа выветрена и потерта. Камень потемнел от времени.

¹ Пользуясь случаем, чтобы принести Н. Л. Свинареву благодарность за ценнное сообщение.

² О надписи см. в статье Э. И. Соломоник в этом же выпуске.

³ Это городище обнаружено на Тарханкутском полуострове в 1933 г. См. П. Н. Шульц. Евпаторийский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.» М.—Л., 1941, стр. 72. Его же. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 253.

⁴ Инв. № 12698. Порода камня определена проф. С. А. Ковалевским.

⁵ Аналогичный шип с базой имеется на позднескифском надгробии, найденном близ городища Красное (б. Кермен-Кыр). См. О. Д. Да sheepская. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 116, рис. 46, 2.

Рис. 1. Надгробный рельеф из с. Марыни. Мшанковый известняк.

Изображения расположены по двум ярусам. На верхнем, большем (выс. 0,64 м) — всадник с копьем и женщина; на нижнем, меньшем (выс. 0,34 м) — олень, преследуемый собакой. На главном рельефе воспроизведена знакомая по надгробиям Боспора и Фракии сцена: умерший в виде героизированного конного воина предстоит перед женщиной¹. После медленного движения справа налево конь остановился, его правая нога еще приподнята, остальные стоят на земле. Эта поза, особенно характерная для образов всадников в позднефракийских рельефах и на позднебоспорских монетах², усиливает впечатление торжественности. Конь трактован суммарно, особенно тяжелы копыта. Воин наклонился вперед, фигура его изображена со спины в сложном повороте: плечи развернуты, голова и нижняя часть тела — в профиль. В левой руке он держит повод, в правой копье, поднятое горизонтально.

На всаднике короткая рубаха с длинными рукавами и длинные штаны, сверху плащ, падающий волнистыми складками на круп лошади, из-под плаща видны складки рубахи. На голове шлем с высоким гребнем, козырьком и нашечниками. Лицо с остроконечной бородой и нижняя часть шлема сильно повреждены. На правом бедре горит с луком. На крупе лошади рельефная полоса: это ножны меча или ремень сбруи. На морде коня ремни узды, на шее — сбруи.

В отличие от фигур воина и коня, воспроизведенных в принципе «застывающего движения», фигура женщины статуарна и неподвижна. Она изображена в фас, лишь левая ступня повернута в сторону. Одеяние женщины падает тяжелыми параллельными складками. Верхняя часть фигуры закутана покрывалом, наброшенным на голову. Складки покрывала дугообразны и более дифференцированы, чем на нижнем одеянии. В правой, прижатой к груди руке — ритон. Левой женщина придерживает покрывало. Лицо округлое, широко и массивное. Воспроизведен традиционный для азиатского Боспора тип женщины. Он встречается в

¹ G. I. Kazakov. Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. „Dissertationes Pannonicae“. Budapest, 1838, № 300, рис. 169; G. Mihailov. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, v. III, s. 1958, табл. 202, № 144; табл. 255, № 1542; G. Kieseritzky und C. Wattinger. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909, № 18. А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, табл. 55, стр. 120 и сл.; Н. Н. Бритова. Образ всадника на рельефах. Фракии и Боспора. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 53 и сл.

² А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLVIII, 11—13; табл. XLIX, 1—11. Изображение триумфирующего боспорского царя-всадника особенно распространилось на монетах Боспора во время побед Савромата II над скифами и покорения тавро-скифов Рискупоридом III (конец II и начало III в. н. э.). А. Н. Зограф называет такие монеты статерами «торжественного стиля» (Ук. соч., стр. 204 и сл.).

статуях-полуфигурах и надгробных рельефах Синдики¹. Прообраз этого местного типа изображен на пластине из Мерджан². Не только богиня, но и конь на пластине имеет общее с конем на нашем рельефе.

Ритон, особенно характерный для скифских и других местных изображений, и фронтальность женской фигуры на Марьинском надгробии подчеркивают культовый характер сцены. Взаимодействия всадника и женщины внешними средствами не выражены. Трудно сказать, жена ли она конного воина или же богиня, перед которой предстал героизированный умерший. Сцена допускает различные толкования: как исполнение религиозного обряда и как прощание. Последнее более вероятно³.

Нижняя сцена—травля оленя—подчеркивает, что покойник был не только воином, но и охотником. Фигура мчащегося оленя дана профильно, а рога в фас. Обозначены глаза, ноздри, рот и уши. Морда острыя, уши подняты, хвост загнут. Передние ноги вскинуты, трактовка суммарная, грубоватая, плоскостная. Нижняя сцена, по движению справа налево, особенно олень, как бы вторит движению всадника, уравновешивая композицию рельефов. И по развитию сюжета сцена охоты дополняет образ всадника: перед нами герой-воин, охотник⁴.

Мотив охоты, распространенный в скифских изображениях, позднефракийских рельефах и дакийских образках, имеет и в нашем надгробии, вероятно, не только бытовое, но и культовое значение⁵.

Из описания надгробия и аналогий видно, что генезис памятника сложен. Его композиционные элементы (всадник, фигура женщины, сцена охоты) заимствованы из различных

¹ А. П. Иванова. Ук. соч., табл. 32, 37, 40; М. М. Кобылина датирует статуи-полуфигуры Таманского полуострова эллинизмом (М. М. Кобылина. Скульптура Боспора. МИА, № 19, М., 1951, стр. 181, рис. 7, 3). Этот круг памятников, как показали раскопки Н. И. Сокольского в Синдике, датируется по преимуществу последними тремя веками до н. э.

² М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, 49, 1913, стр. 133 и сл., табл. X—XI. В беседе со мною Н. П. Манцевич высказала сомнение в подлинности этой пластины. Для выяснения истины нужно специальное исследование этого памятника, предвосхищающего мотивы, получившие распространение в районах азиатского Боспора.

³ Ср. А. П. Иванова. Ук. соч., табл. 55. Богиня в местных боспорских изображениях обычно сидит, и она в более длинном одеянии, а иногда в высоком головном уборе; М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. II.

⁴ Те же черты повествования, строящегося по эпизодам, которые можно рассматривать в отдельности и в общей цепи, мы наблюдаем в росписи склепа № 9 Неаполя скифского: скиф с лирой, всадник, травля кабана (см. П. Н. Шульц. Раскопки Неаполя скифского. КСИИМК, вып. XXI, 1947, стр. 20 и сл., рис. 7).

⁵ О культовом значении сцен охоты см. у М. И. Ростовцева, АДЖ, 1, стр. 430—431.

источников. Прообразом фигуры женщины могли послужить статуарные изображения местного типа на Боспоре. Напротив, сцены охоты на оленя не встречаются в круге боспорских надгробий¹ и не характерны для рельефов Фракии, в которых распространено изображение охоты на кабана². Охота на оленя воспроизведена в двух надгробиях западного побережья Крыма, найденных около позднескифских городищ: Джан-Баба (Марьинское надгробие) и невдалеке от города у д. Поповки. На втором рельефе всадник и охота на оленя изображены вместе в единой композиции, не разделенной на ярусы. Тот же принцип объединения в одной композиции всадника, женщины и охоты на кабана мы видим в рельефе, найденном на городище Козырка³.

Менее ясен генезис фигуры марьинского всадника, воспроизведенного со спины, с копьем и в шлеме. Боспорские стелы сходных изображений не дают. В позднескифском художественном ремесле всадники спиной к зрителю встречаются, но обычно без шлема и без плаща⁴, а иногда и без копья⁵. Эти отдаленные прототипы могли оказать известное влияние на развитие иконографии всадника в позднескифских надгробиях, которые испытывали многообразные воздействия — сарматское, боспорское и фракийское. Но в данном случае, судя по форме шлема, возможны и римские провинциальные прототипы.

Что касается трактовки коня в Марьинском надгробии, то некоторые аналогии дают не только монеты, но и поздний боспорский рельеф II в. до н. э., в частности особая по характеру стела Агафа из Фанагории, сделанная в 476 г. боспорской эры, т. е. в 179 г.⁶ Эта двухъярусная стела, едва заметно суживающаяся книзу, имеет надпись и шип. Всадники один против другого изображены на лицевой и обратной сторонах стелы. Кони остановились, у трех из них передняя нога поднята. Есть некоторые общие черты и в стиле — в грузности форм и крайне обобщенной их трактовке. Марьинское

¹ В росписях Боспора охота на оленя изображалась (АДЖ, 1, стр. 353, 366; табл. LXXXIX).

² Г. И. Казагоу. Ук. соч., стр. 328, рис. 184; стр. 776, рис. 388.

³ ОАК, 1909—1910, стр. 101, рис. 146. Объединение всадников, богини и сцены охоты встречается в дакийских табличках и вотивных фракийских рельефах (Г. И. Казагоу. Zum Kult des thrakischen Reiters in Bulgarien. Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Institutes in Wien, Bd. XXIV, 1929, стр. 139, рис. 57).

⁴ АДЖ, табл. LXXXV, 3.

⁵ ОАК, 1889, стр. 26, рис. 11; Н. И. Веселовский. Скифский всадник. ИТУАК, № 14, С., 1891, стр. 81—83, табл. 1.

⁶ М. М. Кобылина. Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа. ВДИ, 1948, № 4, стр. 85 и сл.; Т. В. Блаватская. Надпись Агафа из Фанагории. Там же, стр. 77 и сл.; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, стр. 78, рис. 23; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 142 и сл., табл. 89—90.

надгробие, имеющее элементы иконографических и стилистических связей со стелой Агафа, было сделано, скорее всего, не раньше последних десятилетий II в. н. э. Черты варваризации и упрощения в марьинском рельефе выражены ярче, чем в стеле Агафа. Но в первом все же больше живости, непосредственности и даже некоторой мягкости в трактовке форм (собака в сцене охоты).

Если сопоставить наш рельеф с позднейшей боспорской стелой с именем царя Хедосбия, которую Шкорпил относит к концу III в. н. э.¹, то станет ясным, что Марьинское надгробие предшествует стеле Хедосбия, до крайности упрощенной и плоскостной. Вероятнее всего, что рельеф из Марьино хронологически находится между стелами Агафа и Хедосбия. Он ближе к стеле Агафа, имеет общее с изображениями всадника на золотой диадеме и монетах Рискупорида III². Поэтому, предположительно, мы относим Марьинское надгробие к рубежу II—III вв., чему не противоречат палеографические особенности имеющейся на нем надписи.

Несмотря на заимствования, надгробный рельеф из Марьино обладает ярко выраженным своеобразием. Он массивнее многих боспорских и, в особенности, фракийских рельефов. Форма плиты не имеет правильных очертаний и геометрической четкости. Линии рамок не параллельны и неодинаковы по ширине. Несмотря на плоскостность, в свободном размещении и лепке фигур нет сухости. Чувствуются навыки работы по мягкому камню. Мастер не сумел вместить детали в рамки рельефа и подрезает их: древко копья перекрыло рамку, для хвоста лошади и рогов оленя рамку и перемычку пришлось сузить. Свободное обращение с границами рельефа усиливает своеобразие памятника, в котором чувствуется рука местного мастера. Но с формами и материалом каменной плиты рельеф органически связан. Пластические элементы в нем еще не полностью утрачены. Признаков раскраски не видно, но, возможно, надгробие было полихромно, как полихромны были почти все надгробия Боспора³.

Позднебоспорские надгробия отличаются от Марьинского большей жесткостью, а иногда и графичностью в передаче деталей. Поздние же рельефы Фракии, перегруженные деталями, меньше по размерам и, в большинстве случаев, из-за

¹ В. В. Шкорпил. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. ИАК, вып. 54, стр. 63, № 1; А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 143, табл. 91.

² ДБК, III, 3; М. И. Ростовцев. Ук. соч., стр. 25, табл. V, 2; АДЖ, 1, стр. 515, рис. 97. С изображением Рискупорида III на диадеме, венчающего Никой, иконографически связанны изображения триумфов Савромата II и Рискупорида III на монетах, которые уже привлекались (М. И. Ростовцев. Ук. соч., табл. IV, 9).

³ О полихромности боспорских надгробий см. А. П. Иванова. Ук. соч., стр. 133 и сл.

своего вотовного назначения и подражания греческим образцам более идеализированы.

Стиль Марьинского надгробия ближе всего к кругу позднескифских рельефов. По суживающейся форме и различным размерам рельефов оно имеет много общего с одесским рельефом из Неаполя скифского, найденным в 1851 г.¹. Сближают оба надгробия элементы мягкости в лепке слегка закругленных границ фигур людей и животных. И в том и в другом рельефах на воинах шлемы. Есть общее и с наиболее интересным позднескифским надгробием, найденным невдалеке от городища Красное². Достаточно сравнить хорошо схваченное движение и трактовку собак на том и другом рельефе. Сближает и развертывание движения справа налево³.

Более упрощенный и плоскостной характер имеет надгробный рельеф, найденный невдалеке от позднескифского городища у д. Поповка. В этом рельефе, заслуживающем публикации, сказываются черты сарматских влияний. Еще в большей мере сарматизация поздних местных рельефов сказалась в надгробии из Козырки с его застывшими схематизированными изображениями. Сарматские знаки на крупнолошади и под ее туловищем хорошо увязываются с почти графическим характером плоского рельефа⁴. Фигуры на двух последних рельефах как бы вырезаны на деревянной доске. Лишь в сцене охоты на рельефе из Козырки (травля кабана собаками) сохранились элементы живости, присущие подобным мотивам в искусстве поздних скифов⁵.

Из всего оказанного видно, что Марьинская стела, несмотря на греческую надпись и разнообразные влияния, входит в круг позднескифских надгробий первых веков н. э. Стела была установлена на кургане около позднескифского укрепления, круглого в плане, на северо-западной периферии скифского государства. Погребальный, в честь которого была поставлена стела, принадлежал, очевидно, к наиболее привилегированным слоям местной конной знати. Надгробие из Марьино самое позднее из известных нам надгробий скифского круга. Хронологически оно падает на тревожное время побед Савромата II и Рискупорида III над скифами. В этот период проникновение боспорских мотивов в поздне-

¹ А. С. Уваров. Исследование о древностях юга России. СПб, 1851, табл. XXXVI, 5; А. И. Маркевич. К памятникам Неаполиса. ИТУАК, № 12, С., 1891, стр. 87 и сл., табл. 1; АДЖ, табл. LXXXV, 1.

² О. Д. Дашевская. Ук. соч., стр. 116, рис. 46, 2.

³ Всадники на фракийских рельефах, за редким исключением, повернуты в обратном направлении: слева направо.

⁴ Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959, рис. 36.

⁵ Сходная сцена с большой экспрессией изображена в росписи склепа № 9 Неаполя скифского (П. Н. Шульц, Ук. соч., стр. 21, рис. 7-а).

скифские надгробия западного побережья Крыма вполне естественно.

Несмотря на сложность генезиса и разнообразные влияния, стиль надгробия не лишен целостности и монументальности. Его варваризованные лапидарные формы дают представление о процессах взаимодействия и слияния позднескифских, боспорских, сарматских и фракийских художественных традиций в Северном Причерноморье в период поздней античности.

Э. И. СОЛОМОНИК

НАДПИСИ НА СТЕЛЕ ИЗ с. МАРЬИНО

На стеле, найденной в 1958 году в с. Марьино, своеобразно сочетались местные и греческие элементы¹:

В отличие от надгробий античных городов Северного Причерноморья, где рельеф обычно отделен от надписи и для текста эпитафии предусмотрено специальное место, всю плиту из с. Марьино занимает сложная двухъярусная композиция. Надписи же расположены на свободном поле, не занятом рельефом: в верхнем ярусе — в левом углу, около головы всадника; в нижнем ярусе — в правом углу, позади головы оленя. Третья надпись помещена на широкой перемычке между верхним и нижним ярусом (рис. 2).

Поверхность плиты плохо сглажена, буквы вырезаны грубым инструментом нечеткими тонкими линиями. В результате всех этих причин и позднейших повреждений камня чтение надписей представляет большие трудности.

Верхняя надпись состоит из трех строк (рис. 1). Высота

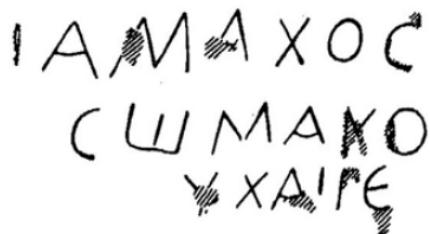

Рис. 1. Верхняя надпись на стеле из с. Марьино.

¹ Описание рельефа и условий его находки см. выше в ст. П. Н. Шульца.

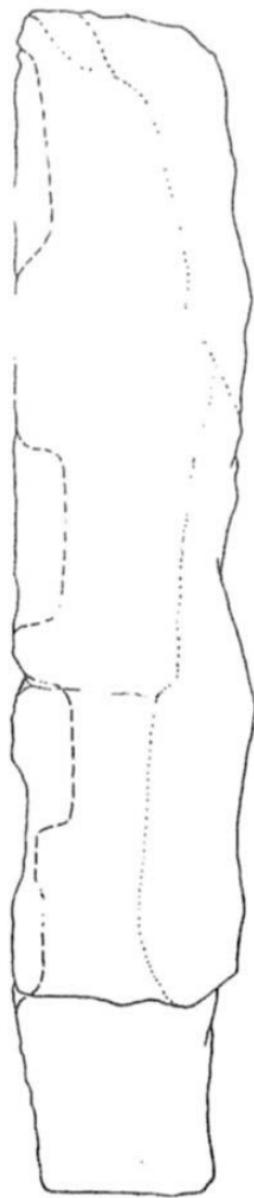

Рис. 2. Надгробный рельеф из с. Марьино (рисунок С. К. Себекина)

букв 2,5—3 см. Предпоследняя буква второй строки, видимо, была первоначально вырезана неверно, а затем исправлена мастером на Х (или К). В третьей строке первая буква сильно повреждена, но небольшие косые черточки вверху и прямая внизу позволяют восстановить ее как Г. В конце этой строки — плохо различимые Р и Е, причем закругление на Р мастеру сделать не удалось, и там лишь видны небольшие сколы камня.

Нижняя надпись (рис. 3) состоит из двух строк. Высота букв 1,7—2,5 см. В конце первой строки небрежно вырезано М с укороченной первой ножкой. В начале второй строки видна Н, а затем несколько неразборчивых черточек; после небольшого промежутка можно различить очертания курсивного Е.

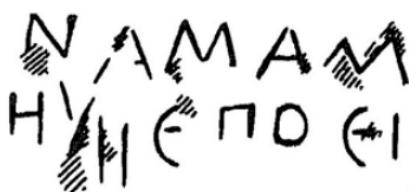

Рис. 3. Нижняя надпись на стеле из с. Марьино.

От третьей надписи на перемычке, сильно поврежденной из-за скола камня, сохранились лишь остатки нескольких букв более крупных размеров, чем остальные. Различаются О, Н, Λ, Ι, Χ, Ο и др., но прочитать целое слово не удается. Примеры надписей на перемычках известны на некоторых боспорских многоярусных надгробиях¹.

Верхняя и нижняя надписи вырезаны несомненно одной рукой (о третьей судить трудно).

Обращают на себя внимание следующие особенности шрифта: лунарные Е и Σ, М с широко расставленными косыми черточками и низко опущенным углом в середине, горизонтальная гаста на некоторых А дугообразной формы, Ω имеет слабые скругления по бокам и скорее приближается к квадратной.

Квадратная форма Ω, как указывает Клаффенбах, стала употребляться с III в. н. э.², но встречается сравнительно

¹ IosPE, IV, 315; Ю. Ю. Мартин. Новые эпиграфические памятники Боспора. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 86, рис. 22; А. П. Иванова. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 1961, № 83. Ср. также стелу из Филиппополя, G. Mihailov. IGBulg, т. III, София, 1961, № 1005.

² G. Klaffenbach. Griechische Epigraphik. Göttingen. 1957, стр. 43.

редко. В Северном Причерноморье можно назвать для примера боспорское надгробие нач. IV в. н. э.¹, надпись из станицы Вышестеблиевской 335 г. н. э.², херсонесскую надпись 383—395 гг.³ Такая форма Ω известна и в других районах античного мира⁴.

По характеру шрифта в целом надписи датируются II—III вв. н. э.

Верхняя надпись содержит обычную формулу эпитафии с χαῖρε, получившую распространение с эллинистического времени⁵.

Ιάμαχος	Ямах, сын
Σωμά[χ]ο—	Сомаха,
ο χαῖρε.	прощай.

Имя Σωμάχος — греческое, более краткая форма от Σωσίμαχος⁶. В таком виде оно особенно часто встречается в Ольвии⁷. Имя Ιάμαχος не известно в греческой ономастике. Оно могло образоваться также путем сокращения от греческого имени Ιασι-μαχος (от ια — лечить), которое встречается в Горгиппии и на Родосе⁸. Но возможно и другое толкование этого имени, которое становится вполне вероятным в связи с местом находки памятника и его самобытным характером. Имя Ιάμαχος, затем частично эллинизированное, могло быть связано с названием одного из скифских племен — Ιαμαι или Ιαμοι. Стефан Византийский приводит эти этники, ссылаясь на Гекатея и Александра⁹. Примечательно, что Ιαμοι упоминаются Александром Полигистором, жившим в эпоху Митридатовых войн, в описании Евксинского Понта.

¹ ИАК, 45, 1912, стр. 19.

² В. В. Латышев. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК. II., 1922, стр. 79 и сл.

³ IosPE, 1², 450.

⁴ Р. Х. Лепер. Несколько греческих и римских надписей. Изв. Русского археологического института в Константинополе, IX, вып. 1—2, София, 1904, стр. 249, № 16; MAMA, IV, 1933, № 88, табл. 26 (II—III в. н. э.); J. J. H ondius. De Bithyniae titulo honorario, Anatolian Studies, Manchester, 1939, табл. III (III в. н. э.); W. Peek. Attische Grabschriften, II, Berlin, 1957, № 192 и 214; A. H. Jones. Inscriptions from Jerash. JRS, XVIII, 2, London, 1928, стр. 165 и сл. (II или III в. н. э.).

⁵ G. Kiaffenbach. Ук. соч., стр. 56; A. G. Woodhead. The study of greek inscriptions. Cambr., 1959, стр. 44.

⁶ Pape-Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. s. v.

⁷ IosPE, 1², 97, 98, 107, 116, 128, 267. Ср. также IG, XII, 1, 46, 269 (Родос).

⁸ F. Bechtel und A. Fick. Die griechischen Personennamen... Göttingen, 1894, стр. 149; L. Z gusta. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, § 1031.

⁹ Steph. Byz., s. v.

Связь же некоторых скифских имен с этнионами наблюдалась и раньше¹.

В нижней надписи отчетливо читается во второй строке глагол ἐπέει (делал), который ставился при подписи мастера, выполнившего памятник. Ему должно было предшествовать имя мастера, но плохая сохранность начала второй строки затрудняет его чтение.

NAMAM

Н...ἐπέει

Трудно сказать, стояло ли здесь только имя мастера или также патронимик, но, судя по всему, они были негреческого происхождения. Если здесь было два имени, то можно предположительно читать: Νά Μαρη..., так как мужское имя Νά известно в городах Малой Азии, а аналогичное женское имя встречалось и на Боспоре².

Подписи мастеров ставились, главным образом, на расписных античных вазах и статуях³. На надгробной стеле такая подпись представляет редкое исключение⁴.

В подписях мастеров глагол обычно стоит в аористе⁵, но в римское императорское время стали предпочитать форму имперфекта⁶, которую мы видим и на новом памятнике; ἐπόιι вместо ἐπέει встречается нередко в самых различных районах античного мира, начиная с VI в. до н. э.⁷.

Местное население древнего Крыма жило в непосредственном соседстве с греческими городами-колониями. Это

¹ Ср. имя Скиф, проникшее даже за пределы Северного Причерноморья в города Греции (F. Bechtel und A. Fick, Ук. соч., стр. 333 и сл.), и Палак от этниона Палы (Э. И. Соломоник. Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму. ВДИ, 4, 1961, стр. 107).

² IosPE, II, 116; L. Z gusta, Ук. соч., § 601. В начале второй строки могла также стоять дата.

³ См. E. Loewy. Inschriften griechischer Bildhauer. Leipzig, 1885.

⁴ Известно, например, несколько таких подписей на стелах из Малой Азии (Е. С. Голубцова. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. М., 1962, стр. 59 и сл.). Ср. также IosPE, II, add. № 1822 (Боспор, 343—353 г. н. э.). Имя резчика полностью не сохранилось, но оно, вероятно, также негреческое (Ср. L. Z gusta, Ук. соч., § 250). Интересно, что на боковой стороне плиты было рельефное изображение головы быка и знак, близкий к сарматским, скорее всего выполненные тем же мастером. Ни самого памятника, ни воспроизведения боковой стороны, к сожалению, не сохранилось. Поэтому, по аналогии с другими памятниками со знаками, можно было предполагать и вторичный характер этих изображений (Э. И. Соломоник. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959, № 37).

⁵ Ср. IosPE, 12, 406 и 423 (Херсонес).

⁶ G. Klaffenbach. Ук. соч., стр. 65 и сл.; IosPE, II, add., № 182² (Боспор); E. Loewy. Ук. соч., № 323, 374 (Рим).

⁷ E. Loewy. Ук. соч., № 13 (Аттика, VI в. до н. э.), 296 (Самос. II—I в. до н. э.), 310 (Кумы, II—I в. до н. э.), 374 (Рим, первые века н. э.).

приводило к различным заимствованиям, в частности к заимствованию греческой письменности. В столице скифского государства — Неаполе найдено 9 греческих надписей. Известняковая стела из Фоти-Сала с изображением всадника и именем "Апфос"¹ и новая находка показывают, что греческая письменность проникала и в другие поздние поселения Крыма². Городища западного Крыма тесно общались с Карлос Лименом, Керкинитидой и Херсонесом. Вероятно, поэтому на стеле из с. Марьино мы видим не только греческую надпись на памятнике местного искусства, но и принятую в античных городах формулу эпитафии и даже подпись мастера. Подобный памятник впервые встречается в Северном Причерноморье.

А. М. ГИЛЕВИЧ

БРОНЗОВЫЙ МЕДАЛЬОН ИЗ АССОСА

В коллекции Херсонесского музея хранится редкий бронзовый медальон города Ассоса (Мизия)³. Медальон был найден Н. И. Репниковым в 1908 г. при раскопках херсонесского

Рис. 1. Бронзовый медальон из Ассоса:
а) лицевая сторона, б) оборотная сторона.

¹ Э. И. Соломоник. СА, XXVIII, 1958, стр. 313 и сл., рис. 4;
L. Z g u s t a. Ук. соч., № 595.

² Быть может, не случайно в некоторых средневековых источниках среди древних народов, знавших письменность, названы и скифы. См. Н. В. Пигулевская. К вопросу о «письменных» народах древности. «Древний мир». Сб. в честь В. В. Струве, М., 1962, стр. 336—339.

³ Фонды ГХМ, инв. № 4847.

некрополя в склепе № 2791¹. Склеп находится в 40 м к юго-востоку от башни Зенона. В нем обнаружено до восьми костяков; из них три находились на лежанках, а пять на полу. Часть потолка склепа обрушилась, поэтому вещи, лежавшие на полу, оказались сдвинутыми со своих мест. Инвентарь в склепе — посуда, светильники, стеклянные бальзамарии — датируются I в. — рубежом III—IV вв. Преобладает материал III в. Наиболее поздними являются глиняные светильники с рубчиками конца III—IV в. В склепе найдено 14 монет². В их числе публикуемый медальон³; 4 херсонесских монеты (от середины I в. до 220 г.); одна боспорская Рискупорида III (210—226 гг.). Остальные монеты из-за плохой сохранности не были определены. Кроме того, найдены 4 золотые индикации с монет: Геты (211—212 г.) — 1 экз., Юлий Мамей (235 г.) — 2 экз., и одна с серебряной херсонесской монеты конца II в. до н. э.⁴. Эта последняя выпадает из хронологически однородного материала склепа.

Медальон (рис. 1 а, б) найден на полу склепа. Связать его с каким-либо определенным костяком не представляется возможным. Вероятнее всего он относится к последним захоронениям склепа.

На лицевой стороне медальона помещен в профиль портрет императора с курчавыми волосами и бородой, в лавровом венке и в плаще, скрепленном на плече фибулой. По кругу сохранились остатки надписи ... M-AVP.... DOC. На оборотной стороне изображена квадрига влево. В триумфальной колеснице сидит император с ветвью в правой вытянутой руке. Коней ведет (?), вероятно, Рома в военном одеянии с трофеем в правой руке. Богиня оглядывается назад. Над головами коней две сидящие спинами друг к другу фигуры пленников, между ними неясный предмет (трофей ?). Надпись по кругу стерта, под обрезом: AΓΕΙΩΝ. Вес медальона — 38,77 г., д — 39—43 мм, толщина — 3,5 мм, соотношение осей — ↓. Медальон овальной формы, сильно потерт и испорчен окисью, сохранность оборотной стороны хуже, чем лицевой. Подобный медальон был найден в 1909 г. в окрестностях

¹ Н. И. Репников. Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 г. Хсб., вып. II, 1927.

² В дневнике раскопок (Н. И. Репников. Ук. соч., стр. 175—176) отмечено 14 монет, в полевой описи (арх. ГХМ, дело № 59) — 19.

³ В дневнике он не отнесен. В инвентарной книге его полевой номер соответствует номерам монет, найденных на полу склепа.

⁴ Тип ср. А. Л. Бертье-Делагард. Несколько новых и малоизвестных монет Херсонеса. ЗООИД, т. XXVI, табл. I, № 9—10.

Ольвии¹. Он не был потерт, как херсонесский, но сильно испорчен коррозией. На нем сохранились лишь начальные буквы легенды лицевой стороны, и только иконография портрета дала возможность А. Н. Зографу установить, что это изображение Коммода². На оборотной стороне видно лишь начало надписи по кругу: ЕПІСТРТІ ... Имя города также сохранилось не полностью —...

Сравнение обоих экземпляров показало, что они чеканены одним штемпелем. Стертая часть легенды лицевой стороны херсонесского медальона дополняется по сохранившимся буквам на ольвийском и читается как

[АУТОКАИ]М-АВР[НКОММО]ДОС

Название города — Ассос полностью читается под обрезом оборотной стороны херсонесского экземпляра. Это подтверждает правильность восстановления имени города А. Н. Зографом на ольвийском медальоне.

Хотя вес бронзовых медальонов был равен весу определенного количества сестерциев или ассов, в качестве собственно монет медальоны не обращались³. Выпускались они обычно в ограниченном количестве в связи с каким-либо событием: победой над врагом, восшествием на престол императора и т. п. Поводом к чеканке публикуемого медальона могло послужить торжество, устроенное в Риме Коммодом вскоре после его восшествия на престол в 180 г.⁴.

В Ассосе, тесно связанном с Римом экономически и политически, это событие, вероятно, было отмечено празднеством и выпуском специального медальона. Посетителями празднества могли быть и жители других городов. Найденную медальон в окрестностях Ольвии Зограф объясняет тем, что один из ольвиополитов мог принять участие в торжествах в Ассосе⁵. Однако аналогичная находка в Херсонесе позволяет предположить и другую причину появления этих ме-

¹ A. Zograph, Ein Bronzemedallion von Assos. Zeitschrift für Numismatik. Band XXXVI, Berlin. 1926. Его же. Предварительный отчет о поездке летом 1926 г. по музеям юга России для собирания нумизматических материалов. ИГАИМК, т. V, стр. 242. Херсонесский медальон Зограф видел в неочищенном виде уже после издания им ольвийского экземпляра.

² ZfN, стр. 69.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, вып. 16, М.—Л., 1951, стр. 103; См. также ZfN, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 71.

⁵ Там же, стр. 72.

дальонов в двух городах Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонесе.

Дело в том, что ни археологические материалы, ни письменные источники не дают нам никаких сведений о связях Херсонеса с Ассосом. Вряд ли существовали также регулярные взаимоотношения между Ассосом и Ольвией. Во всяком случае, известные нам материалы из раскопок Ольвии не указывают на них.

Маловероятно, что какие-то жители двух далеких городов, не связанных постоянными торговыми и политическими отношениями с провинциальным малоазийским городом, могли появиться на празднике в Ассосе. Скорее всего участниками празднества были римские легионеры — уроженцы Ассоса или одного из городов Мизии. Как известно, в Ольвии и Херсонесе во II веке были размещены римские гарнизоны, состоявшие из отрядов: I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, а также отрядов вспомогательных войск¹. Эти легионы составляли часть римской армии на Дунае, в которую во II веке набиралось много уроженцев греческих городов и восточных эллинизированных провинций². Вполне возможно, что среди легионеров в гарнизонах, стоявших в Ольвии и Херсонесе, были уроженцы Ассоса, которые и завезли с собой медальоны, как память о празднике в родном городе. Медальоны могли принадлежать и членам солдатских семей, переехавших из родных городов на место длительной стоянки гарнизона. На то, что родственники легионера (жена, родители, дети) иногда проживали вместе с ним, указывают надгробия. Известно надгробие из Ольвии, поставленное солдатом XI Клавдиева легиона своей матери³. В Херсонесе в одном случае упомянуты имена жены и дочери (надгробие Аврелия Виктора, солдата I Италийского легиона), во втором просто наследника (стела Марка Мецилия, солдата 1-й когорты Бракаравгустанцев)⁴.

При раскопках в Херсонесе на городище и, главным образом, некрополе найдено несколько медальонов малоазийских городов начала III в.: Магнезии (Иония), Пергама (Мизия), Скепсиса (Троада), Амиса и др.⁵

Уроженцы Троады засвидетельствованы в составе V Македонского легиона⁶. С городами южного Причерноморья — Синопой, Тием, Амисом, Амастрией и другими у Херсонеса

¹ М. И. Ростовцев. Военная оккупация Ольвии римлянами. ИАК, вып. 58, стр. 7 и сл.

² Е. М. Штреман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, стр. 236.

³ IosPE, 12, 236.

⁴ IosPE, № 547, 553.

⁵ А. Н. Белова. Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII. МИА, вып. 34, стр. 25.

⁶ Е. М. Штреман. Ук. соч., стр. 234.

были давние торговые и политические связи, которые вновь оживились в первые века н. э.¹. Свидетельством тому служат надписи и монеты. Так, в Херсонесе найдены проксения I в. в честь амастрийца и две проксении II в. в честь синопейцев².

Найденный недавно декрет упоминает херсонесита, получившего проксению в Тие³. Два надгробия первых веков говорят нам о проживании амастрийцев в Херсонесе⁴. Монет южнопонтийских городов I—III вв. найдено в Херсонесе гораздо меньше, чем монет митридатовского времени. Эти монеты Ионополиса, Амастрии, Синопы, Тия, Амиса. Таким образом, владельцем медальона Амиса мог быть и не легионер, а какой-нибудь амиссиец, живший и затем погребенный в Херсонесе. Как память о родине, медальоны, чеканенные в том или ином городе, могли храниться уроженцами этих городов (легионерами или другими владельцами) в течение всей жизни. Поэтому они иногда клались в могилу, как наиболее дорогая для умершего вещь.

Найденные в погребениях медальоны, как и монеты разных городов, могут указывать на иногороднее происхождение некоторых жителей Херсонеса, что представляет несомненный интерес для выявления состава херсонесского населения в позднеантичное время.

А. П. ИВАНОВА.

ФРАГМЕНТЫ МРАМОРНЫХ САРКОФАГОВ

II—III вв. н. э.

Выдающееся место в скульптурной коллекции Херсонесского музея занимают плиты с рельефами, открытые Г. Д. Беловым в 1935 г. и принадлежащие мраморным саркофагам⁵. С. Ф. Стржелецкий высказал мысль об их проконнес-

¹ М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья, стр. 325.

² IosPE, 358, 364; Э. И. Соломоник. Проксения в честь синопейца. СХМ, вып. 1, Симферополь, 1960.

³ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические находки в Херсонесе. Хеб., вып. V, Симферополь, 1959.

⁴ IosPE, 542, 543.

⁵ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Крымиздат, 1938, стр. 38—72, рис. 23—42; Его же. Херсонесские рельефы. ВДИ, 1940, № 3/4, стр. 266—287.

ском происхождении¹. Такую возможность допускал и Г. Д. Белов, хотя он считал, что на о. Проконнес производилась только первичная обработка плит, а окончательной их отделкой занимались уже на месте херсонесские мастера².

В настоящее время вопрос о Проконнессе как о месте изготовления саркофагов получил серьезное подкрепление в работе Перкинса³, который установил, что главнейшим центром производства саркофагов во II—III веке н. э. была Аттика, а ее наиболее значительным конкурентом являлся Проконнес, мастерские которого специализировались по изготовлению саркофагов с гирляндами, то есть именно того типа, к которому принадлежит подавляющее большинство рельефов 1935 г. Обширный материал, собранный Перкинсом, показывает, что саркофаги часто привозились на место назначения незаконченными и там уже подвергались окончательной обработке⁴.

Наряду с рельефами 1935 г., в Херсонесском музее имеется еще несколько мраморных фрагментов, принадлежащих, по-видимому, саркофагам.

Близкой аналогией к плите с надписью Фемиста, сына Стратона⁵, может служить рельеф с изображением возлежащей женщины, найденный Н. И. Репниковым в 1908 г. при раскопках херсонесского некрополя в числе плит, из которых была сложена детская гробница № 2660⁶. Н. И. Репников считал его частью надгробия. Но этому противоречат значительные размеры. Херсонесские надгробия, особенно со сценой «загробной трапезы», — а рассматриваемый фрагмент мог принадлежать только к этой композиции, — обычно невелики. Судя по толщине, совпадающей с толщиной плит 1935 г., это скорее всего часть саркофага (рис. 1).

Поза и одежда возлежащей женщины точно, до малейшей детали совпадают с женской фигурой на рельефе Фемиста, сына Стратона. На рассматриваемом фрагменте утрачены голова, шея и значительная часть левой руки женщины, а также изголовье и ножки ложа. Поэтому трудно сказать,

¹ С. Ф. Стржелецкий. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. ВДИ, 1951, № 2, стр. 141.

² Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы, стр. 285—286.

³ J. B. Ward Perkins. The Hippolytus-sarcophagus from Trinquetaille. JRS, XLVI, 1/II, 1956, стр. 10—16; Его же. Roman garland sarcophagi, from the quarries of Proconnesus (Marmara). From the Smithsonian Report for 1957, Smithsonian Institution, Washington, 1958, стр. 455—467.

⁴ Ук. соч., стр. 15, прим. 21; J. B. Perkins. Roman garland sarcophagi, стр. 461—464.

⁵ Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы, стр. 271—272, рис. 6, 7.

⁶ Н. И. Репников. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. Хсб., вып. II, стр. 164, рис. 21; ОАК, 1908, стр. 107, рис. 134. Арх. ГХМ, фото в деле № 59. Размеры обломка: 0,56—0,61 м × 0,24 м—0,26 м × 0,15 м—0,20 м.

была ли в данном случае изображена одна возлежащая женщина или рядом с ней находился ее супруг, как на рельефе Фемиста. Утрата нижней части ложа лишает нас возможности судить, были ли на рельефе еще какие-то аксессуары «загробной трапезы», как, например, на саркофаге Константинопольского музея, рельеф которого отличается от рельефа Фемиста только тем, что перед ложем с возлежащими супругами там помещен пиршественный стол¹.

Рис. 1. Мраморный рельеф с изображением возлежащей женщины (из раскопок 1908 г.).

По характеру мрамора можно допустить, что фрагмент из раскопок Н. И. Репникова принадлежал проконнесскому саркофагу. В таком случае весьма вероятно, что это был саркофаг с гирляндами типа саркофага Фемиста или упомянутого саркофага Константинопольского музея. Однако категорически утверждать этого нельзя. Фигура возлежащей женщины встречается и на саркофагах другого типа. Вспомним, например, оригинальный саркофаг, найденный в 1930 г. в Симпельфельде, на юге нидерландской провинции Лимбург, у германской границы². Саркофаг, несомненно, местной работы, сделан из грубого песчаника и отличается той оригинальной особенностью, что рельефы помещены не на наружных, а на внутренних его стенках. Один из рельефов изображает возлежащую женщину, рядом с ее ложем стоит пиршественный стол.

¹ G. Mendel. Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines, т. III, Constantinople, 1914, № 1159 (2247), стр. 397.

² J. H. Holwerda. Der römische Sarkophag von Simpelfeld. JAI, XLVIII, 1/2, 1933, Arch. Anz., стр. 56—75, рис. 1, 2, Beilage I.

Сопоставляя рельеф из раскопок Н. И. Репникова с пли-
той Фемиста, нельзя не обратить внимания на стилистические
различия между ними. Прежде всего различны пропорции
женской фигуры, приземистой на рельефе Фемиста и зна-
чительно более стройной на фрагменте из раскопок Н. И. Реп-
никова. Фигура на рассматриваемом фрагменте скомпо-
нована значительно живее и свободнее, чем на рельефе
Фемиста. Наконец, совершенно различна манера трактовки
складок: суммарная и схематичная на рельефе Фемиста, на
фрагменте 1908 г. она отличается мелочной детализацией,
характерной для более ранних римских памятников. Все эти
особенности позволяют датировать рассматриваемый памят-
ник первой половиной или серединой II в. н. э.

На фоне рельефа и отчасти на ложе отчетливо видны
следы инструмента, довольно часто встречающиеся на сар-
кофагах II—III вв. н. э.¹. Это признак того, что саркофаг
был привезен в Херсонес не вполне законченным, как это
часто практиковалось при импорте аттических и проконнесс-
ких саркофагов.

Такие следы инструмента видны также на рельефе Феми-
ста и на некоторых других плитах 1935 года, как, например,
на плите с Эротами и масками².

Подавляющее большинство рельефов 1935 г. принадлежит
саркофагам с гирляндами. Может быть, частью подобного
саркофага является обломок рельефа с изображением Эрота,
поддерживающего гирлянду³. К сожалению, в архиве Херсо-
несского музея не сохранилось данных об его происхождении,
скорее всего он был найден еще при Косцюшко-Валюжини-
че (рис. 2). Сохранились торс и левое бедро Эрота, а также
незначительная часть сильно поврежденной гирлянды. Во
всяком случае композиция не вызывает сомнения. Насколько
позволяет судить сохранность, довольно мягкая и пла-
стичная трактовка форм дает возможность датировать фраг-
мент примерно серединой II в. н. э. Наиболее близкими к
нему аналогиями могут служить два рельефа из раскопок
1935 г.⁴. По характеру мрамора можно также предполо-
жить, что он принадлежал к проконнесскому саркофагу. Но,
по-видимому, в Херсонесе были представлены и саркофа-
ги из других мастерских. Заслуживает внимания скульп-
турный фрагмент из белого мелкозернистого мрамора (не
проконнесского; (рис. 3). Точных данных о его происхож-
дении нет⁵.

¹ См. напр. G. Rodenwaldt. Verschollene Sarkophage. JAI, 45, 1930, 1/2, Arch. Anz. стр. 169, рис. 4 (на стр. 177—178).

² Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы, стр. 278—279, № 15, рис. 16.

³ Фотоархив ГХМ № 566. Инв. № 15401. Размеры: 0,29 м × 0,21 м × 0,15 м.

⁴ Г. Д. Белов. Херсонесские рельефы, стр. 273, № 6, 7, рис. 8.

⁵ Инв. № 3378. Размеры фрагмента: 0,33 м × 0,08 м × 0,11 м.

Рис. 2. Фрагмент мраморного рельефа — Эрот, поддерживающий гирлянду.

Сохранился обломок высокого рельефа на довольно массивной плите. Изображена фигурка девочки в живом движении, в три четверти оборота влево, стоящей на грозди винограда. Одета в длинный хитон с отворотом, подол раздут ветром. На голову накинут плащ, который девочка придерживает руками, концы его развеваются за спиной. Лицо сбито, упрачена левая рука от локтя, правая — почти полностью вместе с концом плаща. На правом боку фигурки большая выбоина, другая выбоина на левом колене.

Для толкования фрагмента решающее значение имеет виноград, на котором стоит фигурка. Скорее всего, это часть саркофага, на котором были изображены Эроты и Психея среди побегов виноградной лозы, занятые сбором винограда. Фигурка, очевидно, изображала маленькую Психею. Довольно значительная толщина плиты подтверждает предположение об ее принадлежности к стенке саркофага.

Наиболее выдающимся образцем саркофага этого типа является относящийся к первой половине III в. н. э. саркофаг из Сан-Лоренцо, стенки которого сплошь покрыты побегами виноградной лозы, среди них видны маленькие фигурки Эротов, собирающих виноград¹.

¹ G. Rodenwaldt. Der Klinensarkophag von S. Lorenzo. JAI, XLV, 1930, 1/2, стр. 116—189, табл. 6—7, рис. 1—2, 28, 31; P. Ducat. L'arte in Roma dalle origini al sec. VIII, Roma, 1938, табл. CXCI.

Рис. 3. Мраморный фрагмент — фигурука девочки, стоящей на грозди винограда.

Г. Роденвальдт считает саркофаг из Сан-Лоренцо аттическим, но в орнаментации, напоминающей персидский ковер, отмечает влияние Востока — Месопотамии и Ирана, усматривая в этом характерное для эпохи смешение мотивов. Восточный характер орнаментации саркофага из Сан-Лоренцо сказывается также в чрезвычайно плоском рельефе. Херсонесский фрагмент выполнен в значительно более высоком рельефе. Но в целом орнаментация саркофага, к которому он принадлежал, носила, по-видимому, такой же ковровый характер, как и на саркофаге из Сан-Лоренцо.

Эта композиция перешла и на христианские саркофаги, как, например, саркофаг Латеранского музея, где в центре стенки и по углам помещены фигуры доброго пастыря, а вся поверхность между ними заполнена такими же побегами виноградной лозы, как на саркофаге из Сан-Лоренцо¹.

Трудно сказать с полной уверенностью, принадлежал ли рассматриваемый херсонесский фрагмент языческому или христианскому саркофагу. Между теми и другими вообще нет резкой разницы². В Риме они часто изготавливались в одних и тех же мастерских, причем мастера особенно охотно использовали такие сюжеты и образы, которые можно было приспособить как для языческого, так и для христианского погребения³.

¹ P. Ducati *L'arte in Roma...*, табл. CCXXII; L. von Sybel. *Christliche Antike (Einführung in die altchristliche Kunst)*. Marburg, 1906, рис. 45.

² G. Rodenwaldt. Eine spätantike Kunströderung in Rom. *Röm. Mitt.*, XXXVI/XXXVII, 1921/22, стр. 58 и сл.

³ M. Gutschow. Ein Kindersarkophag mit Darstellung aus der Argonautensage. *Röm. Mitt.*, XLIII, 1928, стр. 276—277.

Эроты и Психеи легко подвергались переосмыслению, как христианские ангелы, виноградная лоза стала христианским символом воскресения. Кроме того, существовал довольно значительный репертуар «нейтральных» в идеологическом отношении сюжетов и орнаментальных мотивов — философы, музы, маски, дельфины и т. п.

Наиболее вероятная дата рассматриваемого фрагмента — III в. н. э. За эту дату говорит аналогия с саркофагом из Сан-Лоренцо, в более раннее время этот тип орнаментации неизвестен. Против ранней датировки свидетельствуют также приземистые пропорции фигурки, некоторый схематизм в трактовке складок, а также усиленное использование буравчика в изображении винограда. Между краем плаща и головой также имеется глубокая борозда, сделанная при помощи буравчика.

Можно было поставить вопрос о более поздней дате, так как саркофаги с виноградной лозой, в частности христианские, встречаются и в IV в. н. э. Но в данном случае эта датировка мало вероятна — против нее говорит свободное живое движение фигурки.

Труднее определить центр производства саркофага, к которому принадлежал рассматриваемый фрагмент. Не исключена возможность его аттического происхождения, в пользу этого предположения говорит и аналогия с саркофагом из Сан-Лоренцо. В таком случае мало вероятно, чтобы этот саркофаг был христианским, так как христианские саркофаги аттического производства неизвестны¹.

Н. В. ПЯТЫШЕВА

ГЛИНЯНАЯ ТАБЛЕТКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОЗЛОВ

(К вопросу о характере культа Диониса)

В экспозиции античного отдела Государственного Херсонесского музея хранится небольшая глиняная таблетка с изображением двух козлов, стоящих на задних ногах друг против друга.

Таблетка сделана из светлой буровато-розово-желтой глины хорошего обжига, покрыта зеленовато-желтым ангобом² (рис. 1).

¹ G. Rodenwaldt. Der Klinensarkophag von S. Lorenzo. JAI. XLV, 1930, стр. 112.

² Инв. № ГХМ 5220. Год и обстоятельства находки неизвестны. Размеры 7,2 × 6 × 1 см.

Рис. 1. Глиняная таблетка с изображением козлов.

Рельефные изображения козлов выполнены от руки. Сырая глина в процессе работы сдвинута инструментом. Выбирая стекой фон на одной из широких сторон пластиинки, мастер не потрудился даже сладить его перед нанесением ангоба. Острым концом стеки он провел слегка волнистую линию по туловищу правой фигуры, острием же сделал углубления, изображающие глаз у этой фигуры, и отделил морду от шеи у левого козла.

Несмотря на суммарность и очевидную небрежность в отделке, остается несомненным, что исполнитель был хорошо знаком с той манерой художественной лепки, которая без нарочитой тщательности в обработке деталей, несколькими умелыми штрихами передает характерные черты задуманного изображения (мотив бодающихся козлов взят из непосредственных жизненных наблюдений).

Козлы стоят на далеко отставленных задних ногах. Морды их соприкасаются друг с другом, и левая фигура передней

правой ногой поддерживает переднюю левую ногу правой фигуры. У обоих козлов длинные, широкие, отогнутые назад рога. По-видимому, порода козлов с такими рогами была распространена в Херсонесе¹ и нашла свое отображение в местном изобразительном искусстве. В той же экспозиции ГХМ имеется терракотовая голова козла, отбитая от туло-вища² (рис. 2). Рога на ней такие же длинные и широкие, но, в отличие от таблетки, голова тщательно вылеплена. Правый рог обломан почти у основания, левый вверху. Глаза обозначены пунсоном. Под мордой борода. На бороде, шее и рогах следы красной краски. Обжиг неровный: внутри серый, у поверхности светлый, желто-буро-розовый. Глина местная.

В целом виде фигурка козла могла служить игрушкой или культовым приношением (терракотовые фигурки животных и птиц часто встречаются в могилах херсонесского некрополя первых вв. н. э.).

Тот же характерный тип козла мы видим и на мраморной плите фриза, найденного в Херсонесе (в настоящее время хранится в Одесском археологическом музее)³.

Однако композиции фигур козлов, подобные нашей таблетке, насколько нам известно, не встречаются нигде в Северном Причерноморье. Характер этой композиции, несомненно, символичен, и, как нам кажется, только с этой стороны и можно рассматривать назначение таблетки, принимая во внимание схематически условную трактовку изображения.

Если Северное Причерноморье не дает памятников такого

Рис. 2. Терракотовая голова козла из экспозиции Херсонесского музея.

¹ Такие рога часто встречаются при раскопках херсонесского городища и упоминаются во всех отчетах.

² Ив. № ГХМ 675, наиб. дл. 7 см.

³ Средняя плита от мраморного фриза с изображением козлиной головы, бычьего черепа и гирлянды. Вынута лейтенантом Шемякиным из стен Уваровской базилики (до раскопок Уварова в 1853 г.) и отправлена в Одессу. На плите имеется надпись жреца Пасиада. На основании шрифта надписи В. В. Латышев датирует плиту III в. до н. э. (см. МАР, вып. 9, стр. 25, § 7), в то же время А. Л. Бертье-Делагард относит и надпись к I в. до н. э. (см. МАР, вып. 12, стр. 19).

рода, то в других местах античного мира, начиная с собственно Греции, они хорошо известны¹. Наиболее интересные для нас аналогии приведены в статье Рины Эвельпайдс «Стелы и монеты»².

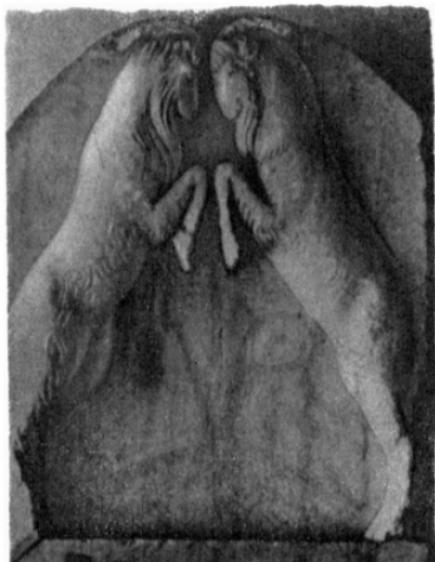

Рис. 3. Мраморная стела из Пирейского музея.

Автор публикует три мраморные аттические стелы IV в. до н. э. Одна из них находится в Афинском Национальном музее, две — в Пирейском музее. Из пирейских стел одна по своей композиции является наиболее близкой аналогией нашей пластинке (рис. 3).

На ней рельефно изображены друг против друга два козла, стоящие на задних ногах. Их подогнутые передние ноги сближены, но не соприкасаются. Длинные узкие рога отогнуты и лежат почти на голове, что обуславливается размером и округлой формой мраморной стелы, на лицевой поверхности которой изваяны козлы.

Две другие плиты повторяют

с некоторыми вариантами те же изображения, лишь композицию в них дополняют колонна на одной стеле и канфар на другой.

Автора статьи поразило сходство изображенных сюжетов на надгробных стелах с изображениями на некоторых античных монетах, происходящих из греческих городов Македонии, Фессалоники, Писидии и Вифинии и относящихся ко времени со II в. до н. э. по II в. н. э.

Но если Рина Эвельпайдс правильно связывает изображение козлов на надгробных стелах с культом Диониса³, как покровителя мертвых, то аналогичные изображения на монетах она считает лишь позднейшим заимствованием декоративного сюжета, произвольно выбранным резчиком-художником.

С этим положением автора нельзя согласиться, т. к. всякие изображения на монетах имели определенный смысл,

¹ Conze A. Die Attischen Grabreliefs. B. III, t. CCCLVII и др.

² R. Evely pides. Stelae and Coins. Archaeology. Vol. II, March, 1958, стр. 55—56.

³ В культе Диониса козел играет определенную роль, являясь непременным атрибутом дионисийских празднеств, как о том свидетельствует вазовая живопись. См. напр.: Dageberg-Saglio. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. t. II, Paris, 1892. Dionysia, стр. 236, p. 2425.

отражая ту или иную символику или атрибуцию. Изображения козлов на описанных в статье Рины Эвельпайдс монетах были так же связаны с дионисийским культом, распространенным и очень популярным в этих городах, как сова на афинских монетах с культом Афины, палица на херсонесских монетах с культом Геракла, дельфин на ольвийских с культом Посейдона, конь на синдских с распространенным в Синдике савроматским культом коня. Таким образом, различные изображения на античных монетах часто являются свидетельством распространенности тех или иных культов. О случайности здесь не может быть и речи.

Изображения козлов на херсонесской таблетке ближе всего к изображению на монетах из Амфиополя в Македонии¹, относящихся ко второй половине II в. до н. э.²

Однако условно-небрежный стиль изображения нашей таблетки, техника сдвига фона при лепке, шероховатость, употребление острия безошибочно указывают на позднеантичное время — не старше III в. н. э. Таким образом, непосредственного заимствования здесь не могло быть, это какая-то значительно более поздняя реминисценция.

Следует обратить внимание на символичность сюжета. Так же, как на стелах IV в. до н. э. и монетах II в. до н. э.—II в. н. э., сюжет нашей пластинки связан с культом Диониса.

Солярный культ Диониса, покровителя виноградарства и виноделия, засвидетельствован в Херсонесе многими памятниками, начиная с III в. до н. э. до конца античности³. Однако в погребальных инвентарях херсонесского некрополя не встречалось ничего, что могло бы дать представление о связи

¹ R. E vel p i d e s. Ук. соч., стр. 55, рис. 1. На аверсе — Артемида-Тавропола, на реверсе — козлы.

² Другие приведенные в той же статье монеты с изображением козлов относятся к I в. до н. э. — II в. н. э. (Ук. соч., рис. 1—5).

³ В. В. Латышев, анализируя текст декрета о нападении варваров, восстанавливает картину загородной религиозной процессии с несением статуи Диониса. См. IosPE, I², № 343, комментарий на стр. 288. Затем упомянутый выше фриз с изображением головы козла и надписью Пасиада.

В херсонесском календаре был месяц Дионисий, известный по декрету в честь Диофанта. См. IosPE, I², № 352.

Б 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюкинич раскопал у Казачьей бухты на Гераклейском полуострове маленький жертвенник с надписью Дионисиев (см. ОАК за 1890 г., стр. 38) и близ него очаг с остатками бараньих костей. Такие же очаги с остатками бараньих костей были обнаружены им и в других жилых комплексах в той же местности. М. б. здесь происходили жертвоприношения Дионису козлят и барашков?

А. Л. Бертье-Делагард относит этот жертвенник к самым поздним временам античности, т. е. к III или IV вв. н. э. (см. МАР, вып. 12. СПб., 1893 г., стр. 57). В последнее время С. Ф. Стржелецкий считает открытый Косцюшко храмик с жертвенником одним из древнейших памятников так называемого «Страбоновского Херсонеса» и датирует его

этого солнечного культа с культом мертвых¹, т. е. у нас нет никаких оснований видеть хтоническую ипостась Диониса, в то время как имеются неоспоримые доказательства большой роли Девы и Геракла в херсонесских хтонических культурах².

Но не только в Херсонесе — во всем Северном Причерноморье нет никаких указаний на эту особую сторону культа Диониса, как покровителя мертвых.

Наша таблетка — первый намек на роль Диониса в местных хтонических культурах.

Возможно, что необычный сюжет таблетки связан с новыми обычаями и верованиями, пришедшими в Херсонес в первые вв. н. э. с Запада, с римским легионом, в составе которого было много фракийцев и македонян. Однако, судя по уникальности памятника, почитание Диониса, бога виноградарства и виноделия, в качестве покровителя мертвых не встретило благоприятного отзыва в религиозных представлениях херсонесцев и не приобрело популярности в среде местного населения.

Ф. И. ГЕРЛОВИНА

К ВОПРОСУ О ХЕРСОНЕССКОЙ СТАТУЕ ДЕВЫ

Интересный и важный вопрос о культовой статуе Девы в Херсонесе был освещен А. Н. Зографом в блестящей статье «Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики»³. А. Н. Зограф доказал, что эта статуя неоднократно воспроизводилась на херсонесских монетах I—III вв.

IV в. до н. э. (См. С. Ф. Стржелецкий. Жертвеник Гераклу из т. н. «Страбоновского Херсонеса». Х сб., вып. IV, Крымиздат, 1948, стр. 102 и сл.).

В фондах и экспозиции ГХМ хранятся многочисленные терракоты, относящиеся к дионаисийскому кругу памятников: маски Диониса, статуэтки Пана, сатиров, силенов, менад, комических актеров и т. д. Некоторые из них изданы в статье Г. Д. Белова «Терракоты Херсонеса» (см. Х сб., вып. III, Севастополь, 1931, стр. 221, рис. 3, стр. 222, 240, 244).

¹ Если не считать кратера с дионаисийским сюжетом, служившего урной для сожженных прахов в семейной усыпальнице нач. III в. до н. э. (См. отчет К. К. Косяшко-Валюжинича в ИАК, вып. 16, табл. III, стр. 106—107; Г. Д. Белов. Краснофигурный кратер из Херсонеса. Гос. Эрмитаж, Труды Отдела античного мира, вып. 1, Ленинград, 1945 г., стр. 141 и сл.; К. Э. Гриневич. Аттический краснофигурный оксибаф № 1517 из Херсонеса как датировочный термин для древнегреческой оборонительной стены. Х сб., вып. V, Крымиздат, 1959., стр. 115 и сл.).

² Н. В. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3. Ее же. Культ Геракла в Херсонесе ВДИ, 1948 г., № 2.

³ ИРАИМК, т. II, Пг., 1922, стр. 337—360.

и. э., причем на различных сериях этих монет она изображается с различных точек зрения¹. Именно это и говорит о том, что в основе лежит статуарный оригинал.

Дева изображается во весь рост, в сильном движении, которое подчеркивает длинная одежда, трактованная широкими, свободными складками. На голове у нее башенный венец — атрибут богини-покровительницы города Тюхе. В руках дротик и лук — атрибуты Артемиды-охотницы. Иногда у ног ее помещается олень. В образе Девы слились черты Артемиды и городской Тюхе, а может быть, отразились и более древние таврские представления о едином, нерасчлененном женском божестве, богине-матери и владычице зверей.

Но по своему стилю и выполнению статуя была, по-видимому, чисто греческой. Мастер взял отдельные черты различных греческих статуй и создал синкретический образ, ближе всего подходящий к греческой Артемиде. А. Н. Зограф отметил, что ближайшие аналогии херсонесская статуя Девы находит в скульптурах пергамской школы, с которыми ее роднит стремительное движение и сложная трехмерная композиция².

В развитие этого положения можно указать еще на некоторые аналогии. Прежде всего можно было бы сопоставить статую Девы с женскими фигурами большого пергамского фриза, как, например, Афина, Геката, Ниокс и т. п.³

Стремительное движение херсонесской статуи отчасти напоминает Нику Самофракийскую, дату которой в настоящее время, в результате последних исследований, приходится отодвинуть во II в. до н. э.⁴. Наряду с этим становится совершенно несомненной ее стилистическая связь с пергамской школой.

В связи с тем, что херсонесская статуя Девы стоит в зависимости от греческого типа Артемиды-охотницы, интересно напомнить статую Артемиды Роспильози в Латеранском музее, стилистически близкую к фигурам большого фриза Пергамского алтаря⁵ (рис. 1 а, б, в). Лучшим по со-

¹ Там же, табл. XXXI; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, М—Л., 1951, табл. XXXVII—XXXVIII.

² А. Н. Зограф. Статуарные изображения..., стр. 359.

³ „Altertümern von Pergamon“, т. III—2, табл. I, II, VII, VIII, XII, XVII, XXII.

⁴ Ernst Pfuhl. Stil und Zeit der Nike von Samothrake. JAI, XLVII, 1932, стр. 76.

⁵ Paul Grottemeyer, Eduard Schmidt. Die Entstehungszeit der Artemis Rospijlosi. JAI, XLIII, 1928, стр. 272, рис. 3—5. Более поздняя датировка Артемиды Роспильози—первой половиной I в. до н. э., которую выдвинул Gerhard Kahmer. Die Artemis von Lateran und Verwandtes. Ath. Mitt., LV, 1930, стр. 237 и сл., значительно менее убедительна.

Рис. 1. а, б, в — Статуя Артемиды Ропспильози. Рим, Латеранский музей.

хранности ее повторением является мраморная статуэтка, найденная на о. Самосе¹ (рис. 2).

Датировка статуи II в. до н. э., которая представляется наиболее вероятной на основании всех приведенных выше аналогий, подтверждает мысль об усилении роли культа Девы в Херсонесе в связи с напряженной политической обстановкой этого времени, высказанную С. А. Жебелевым² и А. Н. Зографом³.

В. И. КАДЕЕВ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕКТРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ХЕРСОНЕСА

Настоящая работа имеет целью выяснить химический состав позднеантичных херсонесских изделий из цветных металлов и на этой основе определить характер металлов и сплавов, примеси, характерные для местных изделий, выяснить характер руд, из которых выплавлялась медь, поступавшая в Херсонес.

¹ P. Grottemeuer, E. Schmidt. Ук. соч., рис. 16.

² С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. ИАН, Отд. общ. наук, 1935, кн. 10, стр. 938—939.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, стр. 150.

Рис. 2. Мраморная статуэтка Артемиды с о. Самоса
(к статье Ф. И. Герловиной).

Для определения химического состава изделий из цветных металлов были проведены полуколичественные спектральные анализы¹. Спектральным исследованием были подвергнуты слитки, полуфабрикаты, орудия труда и некоторые массовые предметы быта и украшения первых веков н. э. Для сравнения состава позднеантичных металлов и сплавов с металлами предыдущей и последующей эпох анализам подвергались также некоторые предметы эллинистического и раннесредневекового времени. Всего было исследовано 47 предметов².

Рассмотрим конкретные результаты спектральных исследований.

Слитки (см. приложение, табл. 1). Все исследованные слитки эллинистического времени (№ 2, 51, 144) оказались свинцовистой бронзой, при этом в первых двух отсутствовал цинк, но имелась большая примесь алюминия. Один из слитков первых веков н. э. (№ 1) также бронзовый со свинцом и цинком в качестве легирующих компонентов и большим количеством алюминия. Другой слиток этого времени (№ 65) оказался медным, с небольшими естественными примесями свинца и олова, при отсутствии цинка. Беспаспортный слиток из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (№ 126) — бронзовый, с небольшими примесями свинца и цинка. Таким образом, из 6 исследованных слитков 5 оказались бронзовыми, а 1 — медным. Среди бронзовых слитков имеются свинцовистые бронзы и бронзы со свинцом в качестве естественной примеси. Постоянными примесями в исследованных слитках являются: свинец, железо, никель, серебро, мышьяк, алюминий, висмут, магний, сурьма. Встречаются цинк, кобальт, марганец; очень редко — золото и ванадий.

Наличие медных и бронзовых слитков с различными легирующими компонентами свидетельствует о том, что в Херсонесе существовало местное приготовление сплавов на медной основе. Присутствие мышьяка, никеля, висмута и сурьмы в качестве постоянных примесей в слитках свидетельствует о том, что медь, поступавшая в Херсонес, выплавлялась из сульфидных руд³.

Полуфабрикаты (табл. 2). Среди полуфабрикатов обнаружены медь (№ 6, 47, 49), бронза (№ 48), латунь (№ 15, 64). В меди во всех образцах наблюдаются примеси олова,

¹ Анализы были выполнены в спектральной лаборатории Украинского института металлов покойным М. Г. Скляром и на кафедре качественного анализа химфака Харьковского университета автором настоящей статьи, под руководством доц. И. У. Мартынченко.

² Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность И. А. Антоновой, В. В. Борисовой, А. М. Гилевич и Г. Д. Белову за предоставление образцов для анализов и помочь в их отборе.

³ В. А. Скиндер. Бронза, ее природа и история с древнейших времен. СПб., 1908, стр. 32.

свинца, железа, никеля, мышьяка, серебра, магния. Встречаются цинк, алюминий, кобальт, марганец, висмут, сурьма. В бронзе (№ 48) в большом количестве находится свинец, который, по-видимому, здесь служит заменителем олова, и все примеси, встреченные в меди. В полуфабрикатах из латуни (№ 15, 64), кроме основных компонентов (меди и цинка), в довольно значительном количестве содержится свинец. Его появление в сплаве, как и присутствие цинка в бронзе, по-видимому, произошло естественным путем, при использовании полиметаллических руд для получения свинца и цинка¹. Остальные примеси в латуни аналогичны примесям, отмеченным для бронзы и меди. Новой примесью в исследованных полуфабрикатах по сравнению со слитками является молибден, присутствие которого в сплавах, очевидно, связано со свинцом.

Гвозди (табл. 3). Все исследованные гвозди оказались изготовленными из меди с небольшими естественными примесями олова, свинца, железа, никеля, мышьяка, серебра, магния, сурьмы. Цинк отсутствует во всех образцах. Совершенно отсутствует также и молибден. Данные анализов гвоздей также подтверждают вывод об употреблении в качестве сырья для выплавки меди сульфидных руд, так как во всех образцах присутствуют мышьяк, никель, сурьма.

Рыболовные крючки (табл. 4). Исследованию подверглись позднеантичные и для сравнения раннесредневековые рыболовные крючки. Спектральные анализы показали, что крючки изготавливались из меди, а иногда из латуни (№ 56, 125). В качестве постоянных примесей в медных крючках присутствуют: олово, свинец, железо, алюминий, никель, мышьяк, серебро, магний, сурьма. Встречаются висмут, кобальт, марганец, молибден, ванадий и цинк. Последний, как и молибден, обнаружен лишь в образцах, где имеется сравнительно большая примесь свинца. Каких-либо существенных различий в примесях у позднеантичных и раннесредневековых рыболовных крючков не наблюдается.

В латунных крючках, кроме основных компонентов, наблюдается значительная примесь свинца. Встречается кадмий, являющийся характерной примесью цинковой руды — сфалерита². Очевидно, кадмий попал в сплав с цинком.

Браслеты (табл. 5). Все исследованные браслеты оказались латунными с большим или меньшим содержанием цинка. Исключение составляет один браслет (№ 5), который из-

¹ В месторождениях полиметаллических руд всегда вместе с галенитом (PbS) имеется некоторое количество сфалерита (ZnS). Это характерно для месторождений М. Азии, Балкан, СССР.

² Минералы в СССР, т. 1, 1940, стр. 118.

готовлен из меди¹. В латуни, использовавшейся для изготовления браслетов, в качестве постоянных примесей зафиксированы олово, свинец, железо, алюминий, никель, серебро, мышьяк. Встречаются висмут, кобальт, сурьма, магний, марганец, кадмий, ванадий. Таким образом, химический состав латунных браслетов не дает существенных отклонений от состава латуни полуфабрикатов и рыболовных крючков.

Фибулы (табл. 6). Анализы показали, что фибулы изготавливались из меди, бронзы и латуни. Медные фибулы (№ 27, 28, 30, 33) содержат значительно меньше примесей, чем другие медные изделия, о которых говорилось выше, что, по-видимому, нужно связывать с применением рафинированной меди, так как никаких новых примесей анализы не показали². Латунные фибулы (№ 26, 32) имеют обычный для херсонесских латуней состав примесей: олово, свинец, железо, алюминий, никель, серебро, висмут, кобальт, магний, марганец, кадмий.

Несколько отличается составом своих примесей латунная фибула № 29, в которой их очень много. Эти примеси, хотя и встречаются в херсонесских изделиях, но в таком количестве в одном изделии — впервые. Возможно, что данная фибула не относится к числу изделий местного производства³.

Ключи-кольца (табл. 7). Ключи-кольца изготавливались из свинцовистой бронзы с естественными примесями цинка, железа, алюминия, никеля, кобальта, мышьяка, серебра, сурьмы, магния, марганца.

Поясные пряжки (табл. 8). Две из исследованных ранне-средневековых пряжек оказались бронзовыми (№ 58, 60), а одна, по-видимому, — латунной (№ 52). Бронзовые пряжки, помимо обычных компонентов (меди, олова), имеют в своем составе в большом количестве свинец и цинк. Из остальных примесей следует отметить железо, никель, серебро, висмут, магний, марганец, которые присутствуют в обоих образцах, и кобальт, мышьяк, обнаруженные лишь в образце № 60. Латунная пряжка имеет более широкий состав примесей. Здесь, кроме отмеченных для бронзовых, присутствуют кадмий, сурьма, золото, молибден. Анализы раннесредневековых пряжек дают новые данные, свидетельствующие о повышен-

¹ Применение латуни при изготовлении браслетов вызвано, по-видимому, не столько технологическими соображениями, сколько цветом латуни, имевшим вид благородного металла. См. Н. Н. Любавин. Техническая химия, т. IV, ч. 2, М., 1906, стр. 507 и сл.

² Эти фибулы изготовлены из тонкой проволоки, а для такой проволоки, которая должна обладать высокой ковкостью, как правило, употребляют рафинированную медь. См. Н. Н. Любавин. Ук. соч., стр. 451.

³ Аналогии фибуле в большом числе известны в Подунавье, см. I. Kovrig. Die Haupttypen der Kaiserzeitlichen Fibeln in Pannonien. "Dissertationes Pannonicæ", ser. II, № 4, Budapest, 1937, стр. 128 и сл.; t. XVIII, 188.

ном содержании свинца в бронзах позднеримского — ранне-средневекового времени.

Сравнение химического состава остатков литейного производства (слитков), полуфабрикатов, гвоздей, рыболовных крючков (местное производство которых вряд ли может вызывать сомнение) с составом остальных исследованных предметов показывает сходство по всем основным компонентам и примесям. В связи с этим, очевидно, можно говорить об изготовлении всех исследованных предметов, за исключением отдельными исключениями, в Херсонесе.

Спектральные исследования показали, что в позднеантичном Херсонесе для изготовления некоторых орудий труда, предметов быта и украшений широко использовались медь, бронза и латунь с различным количественным составом компонентов и примесей, что было обусловлено технической целесообразностью и характером руд.

К числу постоянных элементов в составе херсонесских сплавов на медной основе относятся олово, свинец, железо, никель, серебро, магний, мышьяк. Отсутствие последнего элемента в нескольких образцах, по-видимому, объясняется тем, что он не был зафиксирован при анализе в связи с сильной летучестью этого элемента¹.

Цинк встречается не всегда, часто он отсутствует в медных и изредка даже в бронзовых изделиях. Присутствие цинка, очевидно, зависело или от свинца, или от характера медной руды. Последнее становится очевидным при изучении результатов анализов медных изделий, среди которых хорошо прослеживаются две группы: с цинком в качестве примеси и без него.

Часто встречаются в херсонесских сплавах и меди такие примеси, как алюминий, кобальт, сурьма, висмут, марганец. К редко встречающимся элементам следует отнести молибден, кадмий, ванадий, золото. Последний элемент встречен лишь в нескольких случаях.

Общий состав примесей в значительной мере зависит от присутствия тех или иных основных компонентов: в меди примесей меньше, в бронзах их число увеличивается, и особенно много их в латунях, где основным компонентом является цинк.

Присутствие большего и меньшего числа примесей в медных изделиях можно, по-видимому, объяснить тем, что в Херсонесе при изготовлении изделий применялась черновая и рафинированная медь.

Изредка встречающиеся в херсонесских сплавах молибден и ванадий, очевидно, следует связывать с использовани-

¹ А. К. Рустанов. Спектральный анализ руд и минералов. М.—Л., 1948, стр. 165.

ем при плавках металлов импортного металлического «люма»¹.

Кадмий встречается только в латуниях, а это свидетельствует о том, что в сплавы этот элемент попадал с цинком. Это подтверждается присутствием кадмия в сфалерите (цинковой руде)².

Для позднеантичных и особенно для раннесредневековых сплавов характерно повышенное содержание свинца при одновременном незначительном количестве олова. Это может указывать на нехватку олова.

Следует отметить, что при сравнении химического состава античных и раннесредневековых сплавов на медной основе не наблюдается существенных отклонений, а следовательно, нет оснований говорить об изменении источников снабжения Херсонеса сырьем.

Результаты спектральных анализов меди и сплавов (латунь, бронза) и сопоставление их с данными о составе руд дают возможность утверждать, что медь, использовавшаяся в Херсонесе, выплавлялась из сульфидных (сернистых) руд. На это указывают такие примеси, как мышьяк, никель, висмут, сурьма, присутствие которых характерно для меди, выплавленной из этих руд.

Судя по данным анализов, для выплавки меди, поступавшей в Херсонес, в основном использовалась руда типа халькозина (медный блеск), так как наблюдается почти полное совпадение состава примесей этой руды и подавляющего большинства исследованных образцов³. Кроме халькозина, для выплавки меди, по-видимому, использовался халькопирит (медный колчедан), который часто встречается на месторождениях вместе с халькозином. В настоящее время эти руды — основной источник получения меди⁴. На использование халькопирита при выплавке меди, поступавшей в Херсонес, указывают такие примеси, как цинк и сурьма, которые обычно отсутствуют в халькозине и постоянно встречаются в одной из групп херсонесских изделий и в то же время являются примесями халькопирита⁵.

¹ Отсутствие этих элементов в подавляющем большинстве образцов, в которых в большом количестве находятся свинец и цинк, не позволяет предполагать их естественное происхождение из руд свинца и цинка.

² Минералы в СССР, т. 1, М., 1940, стр. 118 и сл.

³ Там же, стр. 87 и сл.

⁴ А. Г. Бетехтин. Минералогия. М., 1950, стр. 221, 250.

⁵ Н. Н. Любавин. Ук. соч., стр. 327.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

№ п/п	Наименование предмета и данные о нем	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Al	Ni	Co	As	Ag	Au	Cd	Bi	Mn	Mg	Sb	V
1	Слиток. Раскопки Г. Д. Белова 1952 г. Пол археологический базилики 1935 г.	осн.	+++	++	++	++	++	++	—	сл.	—	сл.	++	—	—	—	—	—
2	Слиток. Раскопки Г. Д. Белова 1959 г. В доме у базилики 1935 г.	осн.	+++	++	—	++	++	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
51	Слиток. ГХМ <u>48</u> — 34 <u>355624</u>	осн.	++	++	—	+	++	+	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—
65	Слиток. ГХМ 22458/2	осн.	+	+	—	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
126	Слиток. Раскопки Косцюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	++	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
144	Слиток. Раскопки Г. Д. Белова 1959 г. В доме у базилики 1935 г.	осн.	++	++	+	+	++	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 2

№	Наименование предмета и данные о нем	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Al	Ni	Co	As	Ag	Au	Mo	Cd	Bi	Mn	Mg	Sb	V
6	Полуфабрикат (обломок листа)	983 —3	—47	осн.	+	++	—	† +	+	+	с.л.	+	—	—	—	—	—	—	
15	Полуфабрикат (стержень с оттянутым концом)	290 35729	—36	осн.	++	++	++	+	с.л.	+	—	+	—	—	—	—	—	—	
47	Полуфабрикат (обломок листа) ГХМ 18 35526	—31	осн.	+	с.л.	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
48	Полуфабрикат (кованая полоса) ГХМ 39 35525	—31	осн.	+	++	++	τ +	с.л.	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	
49	Полуфабрикат (поковка) ГХМ 39 35526	—31	осн.	+	τ +	++	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
61	Полуфабрикат (литой пруток) ГХМ 2235?	осн.	+	++	++	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Таблица 3

10	Гвоздь. Цистерна 3 511—59	осн.	с.л.	†	—	—	—	—	—	—	с.л.	+	—	—	—	—	—	—
17	Гвоздь. ГХМ 108 35727	—36	осн.	с.л.	+	—	—	—	—	—	с.л.	—	—	—	—	—	—	—
19	Гвоздь. ГХМ 295 35729	—36	осн.	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Гвоздь. ГХМ 288 35729	—36	осн.	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Гвоздь. ГХМ 298 35729	—36	осн.	с.л.	с.л.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 4

№ ре- ги- он	Наименование предмета и данные о нем	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Al	Ni	Co	As	Ag	Au	Mo	Cd	Bi	Mn	Mg	Sb	V
16	Рыболовный крючок. ГХМ 294/36	осн.	сл.	+	-	+	++	сл.	-	+	-	-	-	-	сл.	+	+	+	
18	Рыболовный крючок. ГХМ 108/36	осн.	сл.	сл.	-	сл.	сл.	сл.	-	+	-	-	-	-	сл.	+	сл.	-	
43	Рыболовный крючок. Случай- ная находка.	осн.	+	+	+	+	+	сл.	-	+	-	-	-	-	сл.	+	+	-	
45	Рыболовный крючок. ГХМ 16/31	осн.	++	++	++	++	++	сл.	-	+	-	-	-	-	+	+	+	сл.	
63	Рыболовный крючок. ГХМ 17858/77	осн.	+	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
56	Рыболовный крючок. Рас- копки К. К. Косцюшко-Ва- люшинича. Б/п.	осн.	++	++	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	сл.	+	+	+	
124	Рыболовный крючок. Рас- копки К. К. Косцюшко-Ва- люшинича. Б/п.	осн.	++	++	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	+	
125	Рыболовный крючок. Рас- копки К. К. Косцюшко-Ва- люшинича. Б/п.	осн.	+	++	++	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	

Таблица 5

№	Наименование предмета и данные о нем	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Al	Ni	Co	As	Ag	Au	Mo	Cd ¹	Bi	Mn	Mg	Sb	V
5	Браслет. Цистерна З 682—59	осн.	—	+	с.л.	+	++	с.л.	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	
25	Браслет. ГХМ $\frac{301}{35729}$ —36	осн.	++	+++	+	с.л.	—	с.л.	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
34	Браслет. ГХМ 18664/2	осн.	+	++	+	с.л.	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
35	Браслет. ГХМ 19964	осн.	++	+++	+	+	+	+	?	+	—	—	—	—	—	—	—	—	
36	Браслет. ГХМ 19970	осн.	+	++	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
37	Браслет. ГХМ 19963	осн.	сл.	+	++	+	с.л.	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
40	Браслет. Раскопки К. К. Косюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	+	++	+	+	+	—	?	+	—	—	—	—	—	—	—	—	
41	Браслет. Раскопки К. К. Косюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	+	++	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
42	Браслет. ГХМ $\frac{52}{35526}$ —31	осн.	++	+	++	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

Таблица 6

№	Наименование предмета и данные о нем	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Al	Ni	Co	As	Ag	Au	Mo	Cd	Bi	Mn	Mg	Sb	V
26	Фибула. ГХМ инв. 31698	осн.	+	с.л.	+++	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
27	Фибула. ГХМ инв. 6970	осн.	+	+	с.л.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
28	Фибула. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	+	+	с.л.	-	+?	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
29	Фибула. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	+	+++	+++	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
30	Фибула. ГХМ инв. 18890/2	осн.	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
31	Фибула. ГХМ № 30 —31	осн.	+++	+++	-	+	+	с.л.?	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
32	Фибула. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	+	+	+++	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
33	Фибула. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Б/п	осн.	+	+	с.л.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

Таблица 7

№	Наименование предмета и данные о нем	Cu	Sn	Pb	Zn	Fe	Al	Ni	Co	As	Ag	Au	Mo	Cd	$\text{Bi}_{\text{вн}}$	Mn	Mg	Sb	V
53	Ключ-кольцо. Расколки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Б/п.	осн.	+++	++	++	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	сл.	+	+
59	"	осн.	+++	++	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-

Таблица 8

№	Поясная пряжка. ГХМ инв. 7106	осн.	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-	+	+	
58	Поясная пряжка. Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича. Б/п.	осн.	+++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	-	+	+	-
60	Поясная пряжка. ГХМ инв. 7105	осн.	+++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	++	+	сл. сл.	+	-

Условные обозначения:

осн. — основа

+++ — много

++ — есть

+ — мало

сл. — следы

Б. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. В. БОРИСОВА

РАСКОПКИ В ЦИТАДЕЛИ В 1958—1959 гг.

(Краткое сообщение)

Изучение цитадели — места стоянки римского гарнизона в Херсонесе — было возобновлено в 1956 году после тридцатилетнего перерыва. Раскопки, вызванные консервацией и реставрацией памятников этого участка, проводились у башни XVI и 18 куртины оборонительных стен города¹.

Башня XVI была открыта в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем со стороны перибола, а в 1899, 1900 и 1905 гг. она исследовалась им же со стороны города и цитадели². В 1926 г. К. Э. Гриневич, руководствуясь необходимостью углубленного изучения данной части Херсонеса, вновь предпринял раскопки на территории цитадели, которые велись в течение трех кампаний³. В 1928 г. он открыл здесь часть большого здания, расположенного вдоль 19 куртины между XVI башней и часовней XII—XIII вв. Здание состояло из нескольких почти одинаковых помещений. Предполагается, что это была казарма для римских солдат⁴ (рис. 1 а, б).

Проведенными в 1958—1959 гг. работами исследован значительный участок цитадели между башней XVI и калиткой в 18 куртине, ограниченный улицами. В 1905 г. здесь копал К. К. Косцюшко-Валюжинич. Он обнаружил средневековые постройки, перекрывающие исследованный нами участок.

¹ Полевые исследования вели научные сотрудники Херсонесского музея В. В. Борисова (руководитель раскопок) и Е. А. Паршина. Обмеры и чертежи были выполнены А. Н. Щегловым, фотографии — А. М. Михайловой, определение монет — А. М. Гилевич.

² ОАК за 1898, 1899, 1900, 1905 гг.

³ К. Э. Гриневич. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. «Крым», № 1 (3), 1927, стр. 114.

⁴ К. Э. Гриневич. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. «Крым», № 1 (3), 1929; см. также В. Ф. Гайдукевич. Минная базилика Лаврентия-Леонтия. МИА, № 34, 1953, стр. 306, рис. 7.

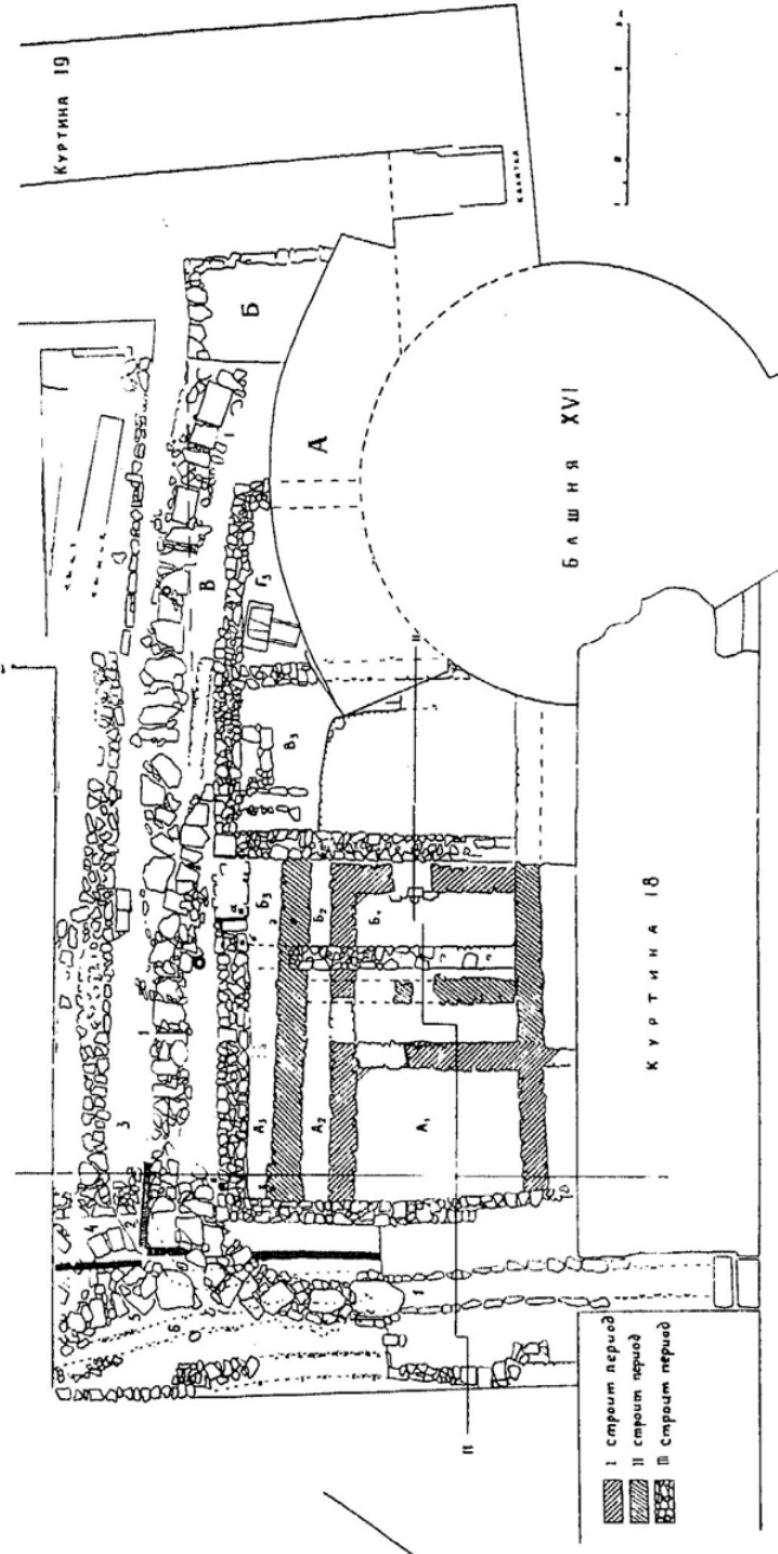

Рис. 1 а. План участка цитадели.

Рис. I а. План участка цитадели.

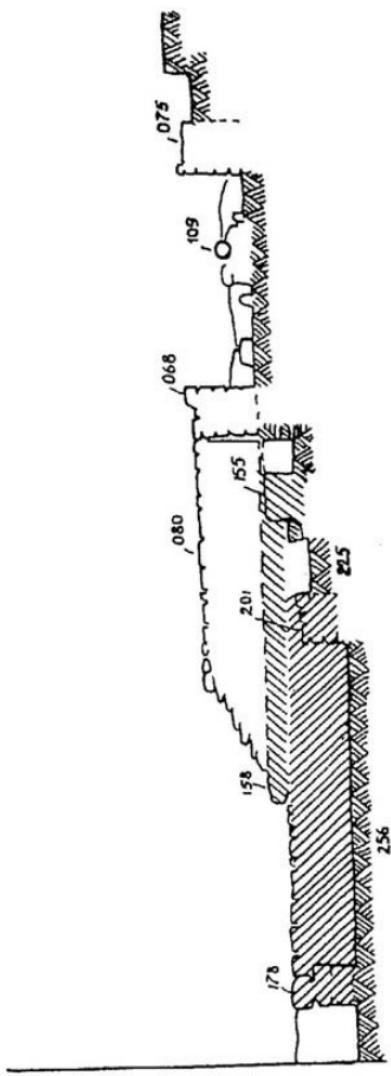
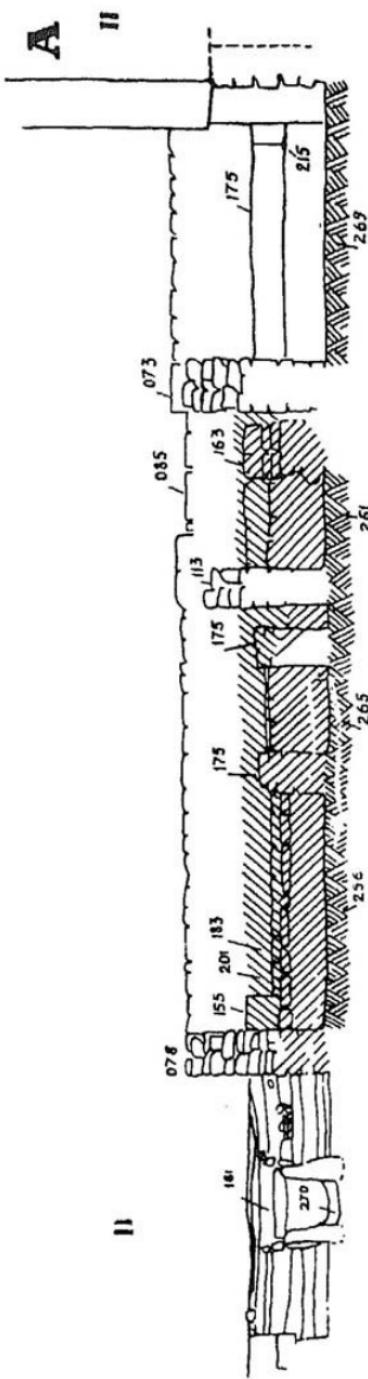

Рис. I б. Разрезы участка цитадели.

сток. Изучение более ранних построек тогда не проводилось, и только около калитки в 18 куртине была раскопана небольшая площадь с водостоком, уходящим под порог этой калитки.

Во время Отечественной войны 1941—1945 гг. обвалились поздняя пристройка к верхней калитке у башни XVI и обкладка второго утолщения башни (утолщение «В») с лестницей. Это дало возможность исследовать засыпь между первым и вторым утолщениями башни и открыть почти полностью лицевую сторону первого утолщения, в кладку которого включены декорированные рельефными орнаментами архитектурные детали эллинистического времени¹ (рис. 2). Кроме того, выявлена часть здания позднеантичного времени, уходящего под утолщение «А». Большая часть этого здания обнаружена под завалом разрушенных построек времен последней войны. Оно примыкало к башне XVI и 18 куртине, а с юго-востока и юго-запада ограничивалось улицами. Здание в этой части было разрушено средневековой известковой ямой, раствор из которой прошел в нижние слои и сцементировал грунт и кладки. Может быть, это обстоятельство и помешало К. К. Косцюшко-Валюжиничу углубиться в нижние слои.

Открытое здание занимало около 90 кв. м. Оно трижды перестраивалось, каждый раз увеличиваясь по площади. Лучше сохранился третий, поздний строительный период.

Здание первого строительного периода было небольшим и состояло из двух помещений. Его площадь равнялась 23,6 кв. м. Стены (ширина 0,60 м) сложены из бутового камня на глиняном растворе. Небольшая сохранившаяся высота их (0,50—0,60 м) объясняется тем, что стены здания разбирались при последующих перестройках. С какой стороны был вход, сказать трудно. Помещения же между собой сообщались через дверь, о чем свидетельствует дверной проем, уцелевший частично в стене, отделявшей одно помещение от другого. Внутри здание было оштукатурено. Полы земляные, хорошо утрамбованные. Самый первый пол лежал на песчаной подсыпке, ниже которой выступали грунтовые воды².

Керамический материал, относящийся к первому периоду существования здания, сильно измельчен и окатан. Наряду с керамикой первых веков нашей эры найдены обломки сосудов позднеэллинистического времени. Нумизматический материал представлен одной бронзовой монетой херсонесского чекана 1—50 гг. нашей эры³.

¹ В. В. Борисова. Эллинистические архитектурные детали. СХМ, вып. I, Крымиздат, 1960.

² Изучение более ранних слоев в настоящее время невозможно вследствие затопления их грунтовыми водами, что связано с повышением уровня моря.

³ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, табл. XXXVII, 4.

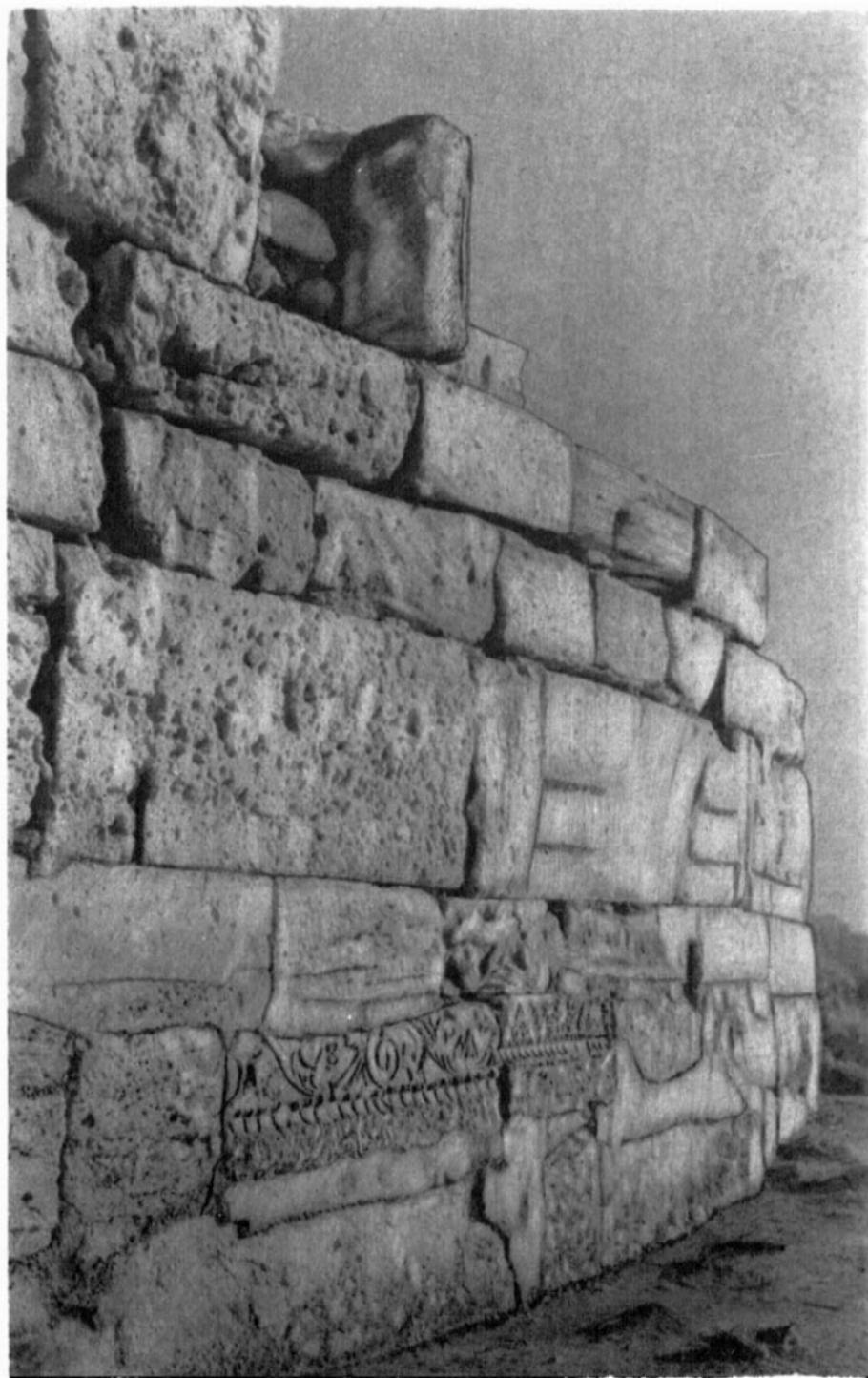

Рис. 2. Первое утолщение башни XVI с архитектурными деталями.

Рис. 3. Общий вид раскопа. Здание и продольная улица.

Второй строительный период здания показывает, что увеличение его площади до 32,5 кв. м происходило за счет сокращения ширины продольной улицы. В здании по-прежнему было два помещения, но определить точно размер помещения «Б₂» не представляется возможным, так как не сохранилась его юго-западная сторона. Стены (ширина 0,60—0,70 м) сложены из бутового камня на земляном растворе. Сохранившаяся высота их незначительная—0,25—0,30 м. В юго-западной стороне обнаружен угол цистерны высотой 0,40 м. Дно ее вымощено черепицей, стены оштукатурены ярко-красной цемянкой грубой консистенции. Керамический материал, связанный со вторым строительным периодом, состоял из светлоглиняных амфор II в. и красноглиняных амфор с гладкими и желобчатыми стенками III—IV вв. Монеты — бронзовые, херсонесские элевтерийные 46—54 гг.¹.

В третий раз расширение здания опять было произведено за счет продольной улицы и участка между зданием второго строительного периода и башней XVI (рис. 3). Оно состояло теперь из трех помещений и широкого коридора общей площадью 90 кв. м. Вход в коридор был со стороны продольной улицы. Здание построено из бутового камня на земляном растворе. В кладку включено несколько обломков архитектурных деталей и надгробий, использованных вторично. Значительный интерес представляет часть мраморного надгробия с рельефом загробной трапезы и надписью *Α[ττα]ν θρέφαυτα*

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, табл. XXXVII, 6.

тей [μεῖ χάρι], поставленное «вскормленником» и датируемое II—началом III в. н. э.¹. Оно обнаружено в кладке порога дверного проема коридора и может привлекаться для датировки здания как *terminus post quem*.

Самым большим является угловое помещение «А₃», площадью в 30 кв. м, сохранившаяся высота стен в 1,20 м, от уровня пола — 0,80 м. Северо-западная стена возведена на остатках кладки стены второго строительного периода. В восточном углу и на юго-восточной стене сохранились остатки штукатурки. Много фрагментов ее было собрано на полу. Штукатурка трехслойная, со следами фрески. Роспись не поддается восстановлению из-за фрагментарности. Однако на всех трех слоях общий характер ее все же можно определить. Скорее всего это были орнаментальные мотивы. На верхнем слое они выполнены красной и зеленой красками по белому фону. В помещении «А₃» обнаружено три земляных пола, соответствующих, очевидно, трем последовательно проведенным ремонтам. Помещение «Б₃» перекрыто первым утолщением башни XVI (утолщение «А»), что определяет, таким образом, хронологические границы этой пристройки, возникшей не раньше IV—V вв. нашей эры.

Во всех помещениях здания третьего строительного периода найдено большое количество обломков черепицы, амфор, кухонной, тонкостенной и краснолаковой посуды, обычной для II—IV вв. (рис. 4). Интересна коллекция черепиц с латинскими клеймами², фрагменты краснолаковой посуды, среди которых выделяется часть дна краснолакового блюда со штампованным изображением Гелиоса на колеснице. Фигура Гелиоса изображена фронтально, голова вправо, руки вытянуты. Повозка в виде ладьи запряжена четверкой лошадей. Вся композиция помещена в круге. Край блюда

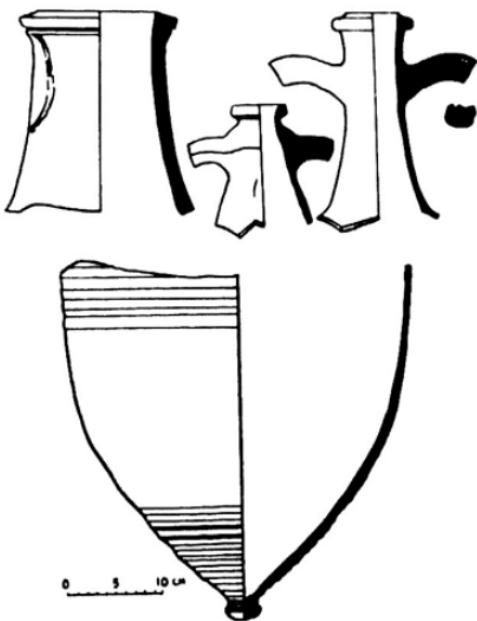

Рис. 4. Типы позднеантичных амфор.

¹ См. ВДИ, № 2, 1962, стр. 109.

² В. В. Борисова. Черепица с клеймами римских легионов. СХМ, вып. II, Крымиздат, 1961 г.

широкий, с орнаментом. Глина — хорошо отмученная, светло-желтого цвета с мельчайшими золотистыми блестками¹ (рис. 5а, б). Найдено много монет херсонесской чеканки времени элевтерии и римских, бронзовых и серебряных. Среди них монеты Гордиана III, Александра Севера, Аркадия, Юлии Домны.

Здание занимало часть городского квартала и выходило юго-восточным фасадом на продольную улицу, идущую вдоль 18 куртины, а северо-восточной стороной — на поперечную улицу, ведущую к калитке в 18 куртине.

Продольная улица открыта на протяжении 25 м. Ширина ее 2,5 м. Поперечная улица той же ширины открыта на 12 м. Она, очевидно, пересекала цитадель, проходя от 18 куртины до 20. На северо-западе она могла продолжаться на территории портовой части города, проходя через калитку в 18 куртине. На улицах сохранились водоотводные каналы, расположенные на разных уровнях.

Рис. 5. Фрагменты краснолаковых блюд с изображением Гелиоса на квадриге: а) из раскопок 1959 г., б) из раскопок 1912 г.

Три водостока с продольной улицы под сильным наклоном поворачивали на поперечную и далее были выведены через калитку в 18 куртине в портовую часть города. Самый ранний водосток № I сооружен из плоских с рваными краями плит и архитектурных деталей вторичного использования. Высота канала водостока достигает 1 м, ширина — 0,60 м. Он начинался у поздней пристройки башни XVI (пристройка «Б»), проходил вдоль продольной улицы, затем

¹ Инв. № 81/36480. Фрагмент аналогичного блюда был найден Р. Х. Лепером в 1912 г. в одном из погребений II—III вв. н. э. (инв. № 2524/12). Пропорции блюд настолько совпадают, что возможно предположить один штамп, которым были оттиснуты эти изображения.

² А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XXVII, 19, 20; XXXVIII, 1, 2, 7, 8, 12, 14.

Рис. 6. Канал деревянного водопровода и водосток на поперечной улице.

поворачивал на поперечную и выходил под порогом калитки в 18 куртине. Небольшой отрезок этого водостока был открыт в 1905 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем у 18 куртины¹. Со временем уровень улиц поднялся, и поэтому пришлось проложить новый водосток, при этом был частично использован канал прежнего, с которым новый соединялся на перекрестке улиц. Второй водосток был сделан из такого же материала, что и первый, но небольшой отрезок его в виде колена на перекрестке улиц устроен из шести секций гончарных желобчатых труб². Среди строительного материала в кладке водостока обнаружена прямоугольная известняковая стела с врезным погрудным изображением человека в треугольном головном уборе. Рисунок весьма схематичен и примитивен.

Третий водосток был значительно меньше первых, он расположен на глубине 0,15 м от современной дневной поверхности. Направление его осталось тем же, какое имели более ранние водостоки. Для устройства канала использованы плоские черепицы и гончарные трубы, распиленные вдоль.

Одна целая черепица оказалась с клеймом **VEMI**. Остатки еще трех водостоков найдены на раскопанном участке поперечной улицы. На этой же улице обнаружена на протяжении 9 м водопроводная дубовая труба диаметром 0,06 м. Обуглившиеся куски трубы, заполненные натечной илистой землей, видны на всем протяжении открытого участка улицы, и только в месте прохождения водостока № 1 водопровод разрушен (рис. 6). Его направление было обратным направлению водостоков. Водопровод вел воду из города в цитадель. Нахodka деревянного водопровода является пока единственной на территории античных городов Северного Причерноморья.

Можно предполагать, что открытое здание, судя по его оформлению и планировке, является не рядовой казармой, а резиденцией кого-то из командного состава римского гарнизона, расквартированного в цитадели. По массовому археологическому материалу здание и прилегающие к нему улицы могут датироваться в пределах II — начала IV вв. Для этого участка города характерно интенсивное строительство. Об этом свидетельствуют неоднократные перестройки и ремонты здания и многочисленные ремонты мостовых на улицах. Дальнейшее археологическое изучение территории Херсонеса, очевидно, позволит полнее выявить ту роль, которую играла эта часть города в позднеантичное время.

¹ ОАК за 1905 г., стр. 44, рис. 42.

² Длина труб 0,58 м, диаметр широкого конца 0,18 м, узкого—0,13.

РАСКОПКИ ХЕРСОНЕСА В 1961 Г.

Экспедиция Государственного Эрмитажа в 1961 г. продолжала раскопки в XXII квартале, в северном районе города¹. Площадь раскопанного участка составляет около 260 кв. м при толщине культурных слоев от 1 до 2,5 м (верхний позднесредневековый слой здесь был раскопан в 1955 г.; рис. 1).

От эллинистического времени уцелели лишь незначительные строительные остатки (обрывки стен, цистерна, вырубленная в материковой скале, служившая для хранения дождевой воды) и местами культурный слой, слабо насыщенный керамикой III—II вв. до н. э. Преобладали обломки амфор и черепицы Херсонеса и Синопы, кувшины с красными поясками местного производства, поздняя чернолаковая посуда, часть ее с накладным орнаментом, «мегарские чашки», несколько монет III—I вв. до н. э.

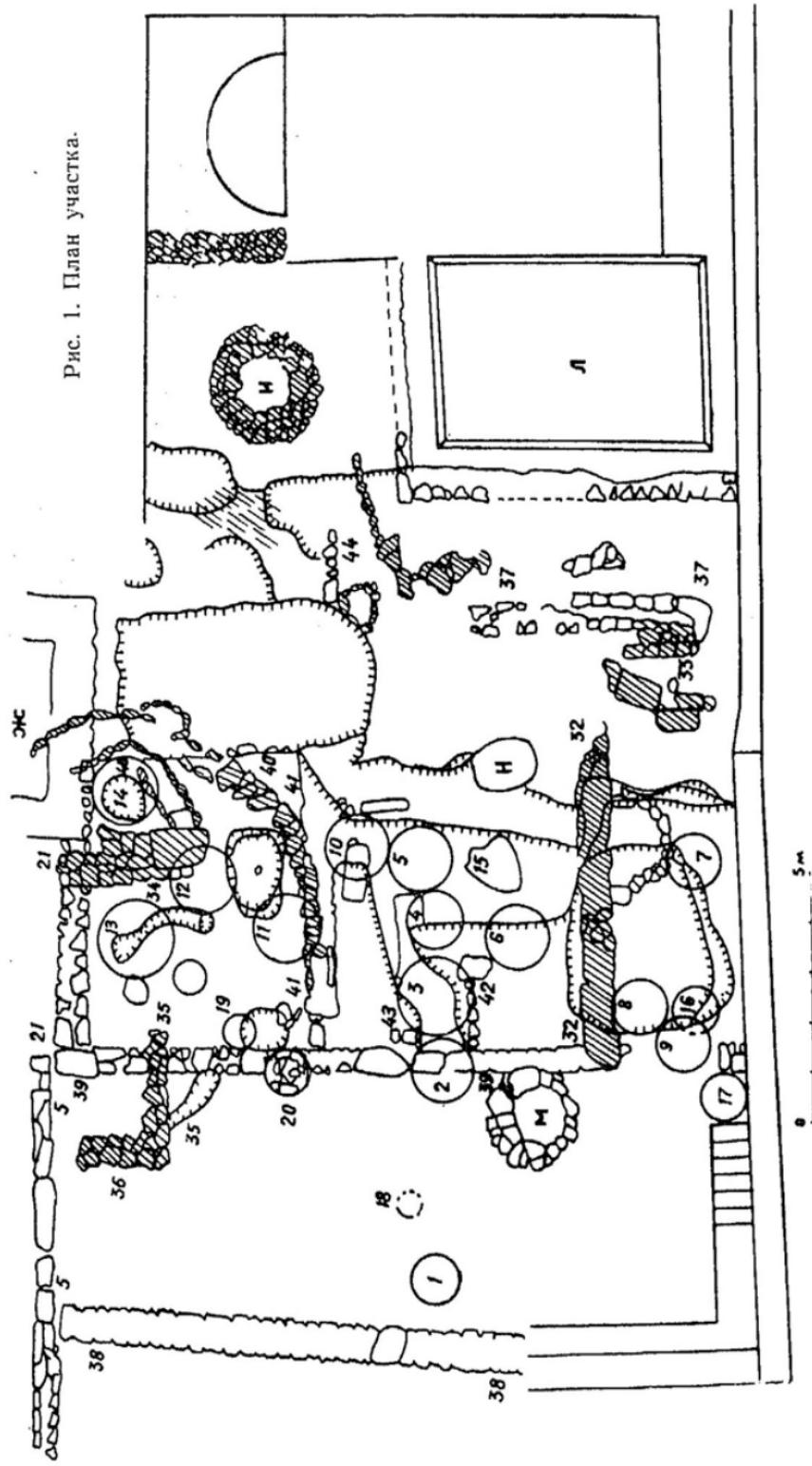
Особый интерес представляет содержание цистерны Н, заполненной керамикой и другими предметами позднеэллинистического периода: целая синопская амфора (рис. 2), кубок своеобразной формы, сосуд для масла с носиком, обломки пергамских чашек с рельефными изображениями и орнаментом, масса другой керамики, терракотовая голова кабана, каменные орудия эпохи бронзы, грузила, прядильщицы, светильники и др.

К первым столетиям н. э. относятся два помещения (остальные не сохранились) большого здания, при сооружении которого были удалены почти все стены и слои предыдущего времени, скала же нивелировалась таким образом, что помещения располагались несколькими террасами, в соответствии с понижением материка к морю.

В одном из помещений в скале вырублен погреб, несколько углублений для установки пифосов, возле стены находились каменная ступа и разбитое корыто, большие точильные камни. На полу найдены антовая капитель и кар-

¹ Состав экспедиции: Г. Д. Белов, Л. Н. Белова, С. А. Беляев, З. А. Билимович и Л. И. Гаталина. Основную группу рабочих составляли студенты-практиканты исторического факультета Белорусского государственного университета с преподавателем Ф. М. Нечай. Опыт привлечения студентов в качестве рабочих был вполне удачным. Во внерабочее время со студентами проводились занятия по изучению раскопанных памятников города и музея. Обмеры строительных остатков производили окончившая институт им. Репина Академии художеств СССР Г. Г. Мазуренко и С. А. Беляев. Чертежи и полевые фотоснимки выполнил Г. Д. Белов, чистку и определение монет (в количестве 457 экз.) произвела Л. Н. Белова.

Рис. 1. План участка.

низ с остатками полихромной росписи, обломки пифосов, амфор, кухонной посуды, краснолаковая керамика (на двух чашках имеется граффито «Гордий» — имя владельца дома), несколько краснолаковых свечильников, монеты I в. до н. э. — II в. н. э. (рис. 3).

В соседнем помещении того же дома находился очаг с масой кухонной и прочей посуды тех же типов, что и в помещении с погребом. Здание прекратило свое существование на рубеже II—III вв. н. э. Над его развалинами образовался мощный слой толщиной от 1 до 1,5 м.

В позднеримский период на данном участке находилось большое здание. В его состав входили: огромная рыбозасолочная цистерна Л, кладовая с 19 пифосами для хранения соленой рыбы, двор и колодец М (рис. 4).

Цистерна Л (размеры: длина 5,50 м, ширина 3,80 м, глубина 4 м, объем около 80 куб. м), впущенная в скалу, была оштукатурена раствором красного цвета (с примесью цемянки), дно ее залито тем же раствором, под которым оказалась вымостка из кирпичных кубиков необычайной прочности, уложенных на аналогичном растворе, общая толщина дна достигала 20 см.

Кладовая с пифосами занимала среднюю часть здания. Пифосы в ней стояли тремя группами, с проходами между ними. Все пифосы одинаковы по величине, форме и технике и стояли на одном уровне. От них уцелели нижние части, высотой 1,30—1,50 м, диаметр вверху 1,25—1,50 м. Верхние разбитые части их только в немногих пифосах оказались внутри сосудов или возле них на полу. Почти во всех пифосах сохранились остатки соленой рыбы — хамсы¹. Кучки рыбы лежали также на полу и насыщали собой слой земли ниже пола.

Внутри пифосов и на подошве кладовой находились обломки амфор, поздней краснолаковой посуды, позднеримские монеты IV в. н. э.

Цистерна Л, заполненная мусорной землей с прослойкой щебня и отесков камней, содержала в себе огромное коли-

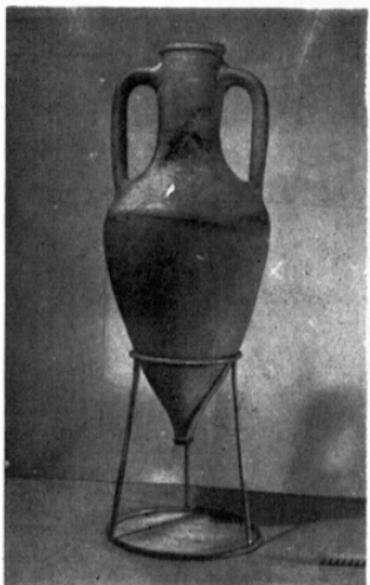

Рис. 2. Синопская амфора.

¹ По определению кандидата биологических наук, научного сотрудника Института биологии южных морей в Севастополе Ю. Г. Алеева — *Engraulis encrasicholus ponticus Alexandrow*.

чество различной керамики от III до VI в. включительно: желобчатые амфоры, многие из них с красными знаками на плечиках и горле; большие плоские блюда с матовым красным покрытием, некоторые с клеймами в виде креста; амфоры с густым глубоким рифлением; массу стеклянной посуды в обломках (подставок рюмок более 120); монет 330 экз.

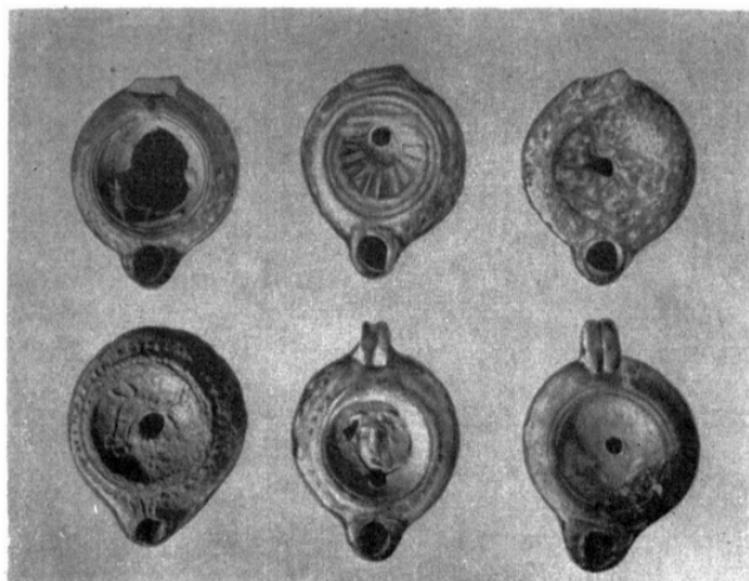

Рис. 3. Светильники.

Найдены также мраморный фрагмент с головой змеи (?), античная капитель, мраморные части больших чаш, ступок и блюда, медные вязальные спицы и рыболовные крючки, масса железных гвоздей и пр. Особо следует отметить находку тигелька в виде чашечки с медным шлаком на стенах.

Керамика и монеты от IV до VI в. позволяют датировать окончательную засыпку цистерны серединой—концом VI в., т. е. после сооружения базилик в соседних кварталах и при нивелировке квартала между ними.

Колодец М, глубиной 3,50 м до уровня воды, диаметром около 1 м, был заполнен черной рыхлой землей и массой керамики, среди которой преобладали небольшие амфоры с желобчатым корпусом, коротким горлом и сферическим дном, часто с белой обмазкой и с красными знаками-надписями на плечиках. В меньшем числе оказались маленькие желобчатые амфоры из коричневой глины с блестками, одну из них удалось собрать полностью (это первая целая амфора данного типа, найденная в Херсонесе). Подобные амфо-

ры, найденные на Боспоре и в других местах, датируются IV в. и происходят, возможно, с о. Самоса. В колодце найдены также обломки блюд с крестами, кухонной и лепной посуды. Монеты принадлежат III—V вв.: Галерий, Максимиан, самые поздние — Льва I. Материал из колодца, а так-

Рис. 4. Кладовая с лифосами.

же и его засыпь, по-видимому, можно датировать более ранним временем, нежели предметы из цистерны Л, а именно: концом V в.

Строительных остатков раннесредневекового времени на участке не сохранилось, их не было и во всем квартале, как показали раскопки предыдущих лет. Здесь находились печи для обжига извести (их открыто три) и ямы для раствора извести, две из них оказались и на территории раскопок этого года. Печи и ямы относятся к VI в., ко времени сооружения христианских базилик, открытых нашими раскопками в 1932 и 1935 гг. После постройки базилик квартал между ними оставался незастроенным — здесь была площадь, при нивелировке которой и были окончательно засыпаны строительные остатки римского времени, в том числе цистерны и колодцы.

В IX—X вв. в квартале были построены жилые дома, от которых на данном участке сохранились немногие остатки: две стены около улицы и две стены в северо-восточной части, сильно разрушенные в позднесредневековый период, а также

каналы водостоков, соединявшиеся в одну магистраль. В одном из помещений находился очаг, с вымосткой из камней, с промазкой швов глиной, с массой золы и сажи как на очаге, так и возле него. В том же помещении стоял пифос, оказавшийся над пифосом римского времени.

На полу обоих помещений найдены характерные для IX—X вв. амфоры, узкогорлые кувшины, белоглиняная поливная керамика со штампованными изображениями и орнаментом, а также стеклянные браслеты и плоское оконное стекло, медный наперсток хорошей сохранности, трехчастная медная цепь для лампады или люстры, много железных гвоздей, медные рыболовные крючки и пр. Следует отметить находку части открытого глиняного сосуда с гравированным изображением оленей среди деревьев. Найденные монеты относятся к IX—X вв.

Наиболее важный результат раскопок 1961 г. — открытие большого здания позднеримского времени с цистерной и кладовой с 19 пифосами. Впервые в Херсонесе обнаружено такое большое их количество в одном доме — свидетельство существования крупного рыбопромышленного хозяйства и показатель того огромного значения, какое имел рыбный промысел в Херсонесе в римский период.

Задачей будущих раскопок является продолжение работы в XXIII квартале: исследование античных слоев на территории, прилегающей к базилике 1932 г. (средневековый слой снят в 1956 г.).

И. А. АНТОНОВА

ЗАПАДНЫЙ ФЛАНГ ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА

Западная линия оборонительных стен Херсонеса неоднократно привлекала внимание исследователей. Но систематические раскопки здесь были недостаточны. Это явилось одной из причин, по которой западный участок оборонительных стен остался наименее изученным в системе фортификационных сооружений города.

Наибольшее внимание на этом участке было уделено первой куртине¹. Но как показали последние раскопки, изучение ее нельзя считать законченным.

¹ В 1895 и 1901 гг. раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича открыты I башня и половина куртины с внутренней и наружной стороны (ОАК за 1895 г., стр. 102—103; ИАК, вып. 4, 1902, стр. 51—56); в 1948 г. Г. Д. Беловым докопана куртина с внешней стороны и на протяже-

Первая куртина оборонительной стены, начинаясь у обрыва берега, идет в направлении с северо-запада на юго-восток от моря вверх по склону. С наружной стороны ее северо-западного конца сохранились остатки полуразрушенной и обвалившейся в море башни I, к которой слева примыкают малые ворота. Общая длина куртины от обрыва берега 45 м. Северо-западная половина ее воздвигнута на скале, основанием юго-восточной половины является материковая глина. Под стеной находятся два склепа. Один на расстоянии 8,5 м от ворот, другой — на 15,6 м. Второй (№ 1039) перекрыт разгрузочной аркой.

Мнения исследователей разошлись в определении назначения и характеристики различных деталей куртины и примыкающих к ней строительных комплексов. Время сооружения ее, напротив, не вызвав существенных разногласий, единодушно отнесено к V—VI вв., когда возведением новой линии от первой до пятой куртины была существенно изменена система обороны этой части города¹.

Раскопки Херсонесского музея на первой куртине в 1959—1960 гг., предпринятые в связи с консервацией оборонительных стен², уточнили ряд вопросов, ранее остававшихся неясными, и изменили наши представления о дате сооружения крепостной стены на западном участке. В результате проведенных работ выявлены три строительных периода на первой куртине, полностью открыта башня Ia, уточнено время сооружения третьего строительного периода первой куртины и линии обороны, включающей вторую, третью и четвертую куртины.

На первой куртине стена первого строительного периода — внутренняя со стороны города. Начинаясь от обрыва берега, она идет в юго-восточном направлении на расстоянии 45 м. Здесь она поворачивает на восток, образуя вторую куртину. Сохранилась лишь забутовка стены на известковом растворе с включением крупной морской гальки. Северная часть стены этого периода на протяжении десяти метров разрушена позднейшим строительством ворот.

На второй куртине на расстоянии 3,3 м от поворота обнаружены ворота в город в виде проема. Угловые камни про-

ции 6 м исследована внешняя сторона 2-й куртины (МИА, № 34, 1953 г., стр. 237—254). Кроме того, дано описание и проведен анализ куртины в работах: А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, 1907, стр. 114—115, 128—131, 149—150; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Хсб., вып. 5, 1959, стр. 109—110; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, стр. 72—76.

¹ К. К. Косцюшко-Валюжинич. Ук. соч.; А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч.; К. Э. Гриневич. Ук. соч.; Г. Д. Белов, Ук. соч.; А. Л. Якобсон. Ук. соч.

² Работы по консервации стен возглавлялись заведующим античным отделом музея С. Ф. Стржелецким.

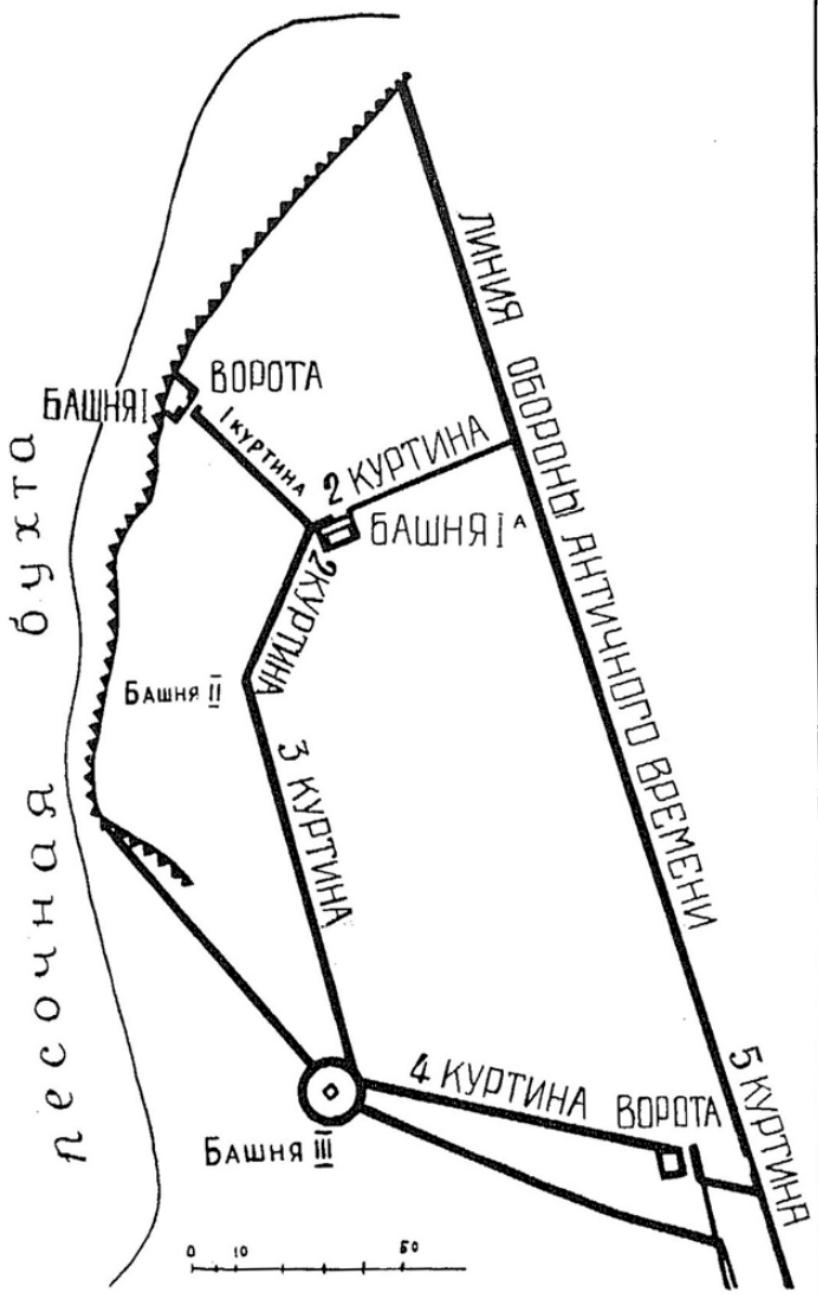

Рис. 1. Схематический план оборонительных сооружений западной части города.

ма хорошо обработаны. Ширина его 2,3 м. На расстоянии 3 м от поворота вторая куртина разрушена орудийным гнездом периода Крымской войны, и дальнейшее ее направление прослежено по сохранившимся на скале остаткам раствора. Куртина шла к лежащей на востоке оборонительной стене античного времени и соединялась с нею (см. рис. 1). Сохранившийся на первой куртине фундамент дает возможность определить толщину блоков внутренней облицовки стены в 55—60 см. Высота блоков, судя по слоям забутовки, составляет 50—60 см. Наружная облицовка стены уничтожена (рис. 2). Реконструированная толщина стены с наружной и внутренней облицовкой равна приблизительно 2 м.

Время строительства этой стены определяется V—VI вв. на основании монетных находок, среди которых преобладают монеты императора Юстиниана I и характерные типы керамической посуды¹.

Эту дату хорошо подтверждают материалы раскопок Уральского университета. Исследованный в 1960 г. хозяйственный комплекс, пристроенный к описанной нами оборонительной стене, датируется временем не ранее середины V в.²

На всем протяжении куртины, вплотную к стене первого строительного периода пристроена вторая (рис. 3). От нее также сохранилась только забутовка на известковом растворе с примесью крупнобитой керамики. На месте, где стена первого строительного периода меняет свое направление, поворачивая к востоку, возведена башня I а. Вход в город ликвидируется, теперь проем служит входом в башню. Башня имела прямоугольную форму и была невелика по размерам. Длина боковых сторон равнялась 6 м, ширина башни по фронту равнялась 9 м, толщина стен — 1,5 м. Позже башня была перестроена. Это хорошо прослеживается по швам соединения старой кладки с новой и другим деталям. Длина боковых стен была увеличена почти вдвое и стала равной 11 м. Толщина стен доведена до 2,5 м. Первоначальный вход в башню в это время закладывается (рис. 4). Эта перестройка увеличила вынос башни за линию стен, что значительно улучшило оборону примыкающих к ней куртин.

Линия обороны в это время сохраняла свое прежнее направление и соединялась с античной оборонительной стеной (рис. 1). Возможно, стены первого и второго строительных периодов существовали одновременно, и вторая являлась утолщением первой.

¹ Аналогичные нашим краснолаковые блюда с оттиснутыми штампом изображениями креста и птиц, найденные в Пицунде и Антиохии, датируются V—VI вв. О. Д. Лордкипанидзе. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды. Отдельный оттиск, стр. 253—255.

² Е. Г. Суров. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961, стр. 86.

В третий строительный период первая куртина возводится заново. Линия обороны меняет свое направление. Вторая куртина новой оборонительной линии поворачивает на юго-запад, в почти противоположном предыдущему направлении. Оказавшись внутри крепостных стен, башня Iа утрачивает

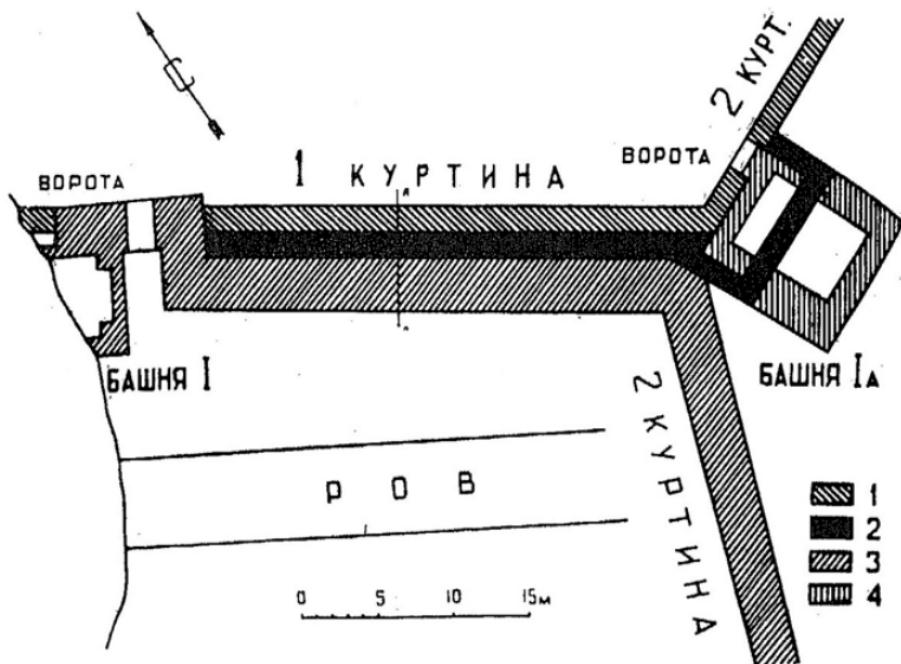

Рис. 2. Строительные периоды I куртины оборонительной стены.

боевое значение и перестает существовать. На северном конце куртины, у самого берегового обрыва, сооружаются в это время прямоугольная башня I и находящиеся под ее защитой малые ворота. Справа ворота ограждены пилоном, выстроенным одновременно с башней и стеной третьего строительного периода. Доказательством этому являются совершенно одинаковые растворы и произведенная вперевязь кладка пилона и стены. При строительстве пилона две первые стены были разрушены ровно на столько, на сколько они мешали его сооружению. Узкое (около 0,5 м) пространство между разобранной кладкой стен и пилоном после окончания его строительства было засыпано бутом и землей. Сохранившиеся в лицевой кладке пилона и наружной стороны стены крупные плиты размером $1,25 \times 1,10 \times 0,80$ м не могут приниматься во внимание при датировке, так как они использованы в кладке в третий раз. Вторая куртина новой оборонительной линии построена впритык к первой. На одно-

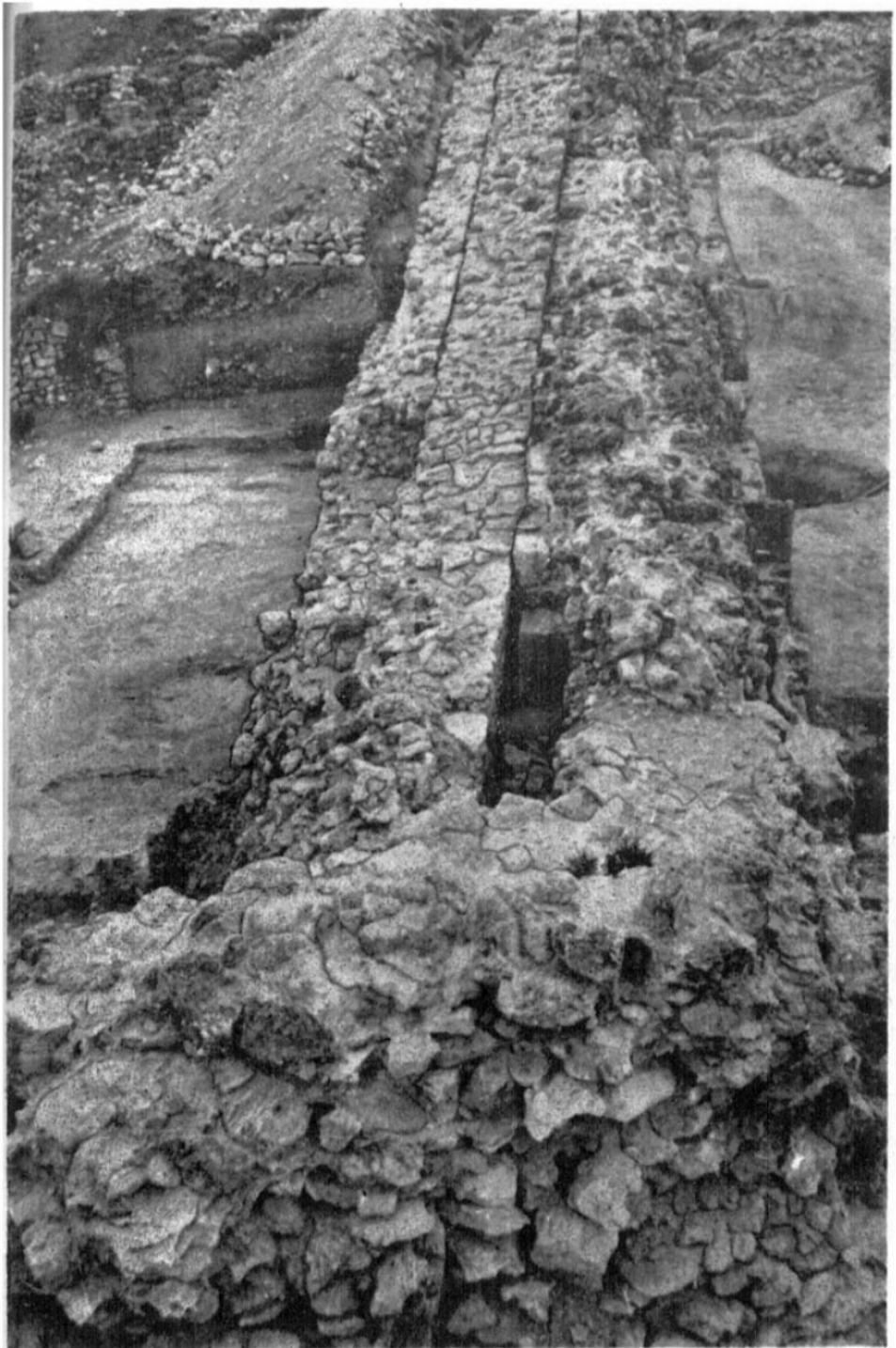

Рис. 3. Куртина I. Вид с северо-запада.

временность их сооружения указывает совершенно одинаковый раствор¹. Кроме того, блоки облицовки первой куртины, впритык к которым была пристроена вторая куртина, сохранили следы обработки поверхности зубаткой.

Изложенная последовательность строительных периодов на этом участке подкрепляется и тем обстоятельством, что

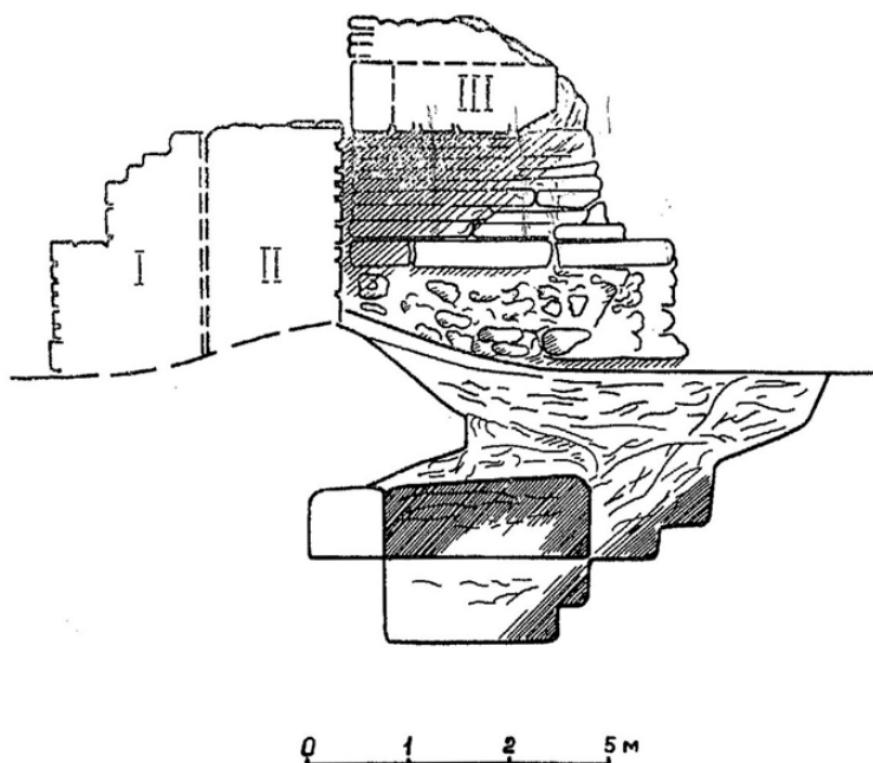

Рис. 4. Разрез по линии А—В; I — стена I строительного периода; II — стена II строительного периода; III — стена III строительного периода; IV — подстенный склеп 1039.

именно стена третьего строительного периода сохранилась на наибольшую высоту, до уровня парапета, как указывал К. К. Косцюшко-Валюжинич², в то время, как две первые стены разобраны почти до основания. Такое положение, естественно, не могло создаться при последовательности строительства, указанной Г. Д. Беловым³.

¹ На это обстоятельство обратил внимание Г. Д. Белов при раскопках стены в 1948 г. Г. Д. Бело в. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее. МИА, № 34, стр. 243.

² ИАК, вып. 4, стр. 51—52.

³ Г. Д. Белов. Ук. соч., стр. 242.

Не анализируя причин, вызвавших капитальные перестройки оборонительной линии на этом участке, отметим лишь, что они не могли быть произведены в хронологически короткий срок¹.

Время сооружения стены первого строительного периода, как было сказано выше, археологическим материалом определяется не ранее середины V века.

На основании данных стратиграфии, монетных находок, поливной посуды, некоторых конструктивных особенностей, а также аналогий, в качестве наиболее вероятной даты сооружения стены третьего строительного периода должны быть указаны IX—X вв.

Хронологические рамки строительства стены второго периода ограничиваются временем между первым и третьим периодами и в настоящее время еще не могут быть определены более точно.

Одновременность сооружения первой, второй, третьей и четвертой куртин отмечалась многократно, во всех работах, посвященных анализу обороны Херсонеса.

Материалы, полученные нами при раскопках в 1957 году у четвертой куртины, еще раз подтверждают правильность этого мнения. На основании вновь полученных при исследовании западного участка городской территории данных следует говорить о том, что расширение территории города в этой части происходило не один, а два раза.

Первый раз в V—VI вв. городская территория была увеличена на небольшую площадь, ограниченную стеной первого строительного периода первой куртины и уничтоженной впоследствии второй куртиной, соединявшейся со стеной античного времени.

Во второй раз сооружением ныне существующих второй, третьей и четвертой куртин в IX—X веках к городской территории была присоединена значительная площадь.

Перестройка оборонительной линии была вызвана не столько необходимостью увеличения городской территории, сколько фортификационными соображениями.

A. N. ЩЕГЛОВ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА ТАРПАНЧИ В 1960 г.

В 1960 году Тарханкутская археологическая экспедиция музея начала раскопки комплексного поселения Тарпанчи, расположенного на южном побережье Тарханкутского полу-

¹ А. Л. Якобсон усматривал две перестройки первой куртины. Обе перестройки относятся им к выявленному нами третьему строительному периоду и хронологически, таким образом, с ним несовместимы.

острова, у с. Окуневка Черноморского района и состоящего из городища и двух селищ.

Раскопки этого поселения являются продолжением археологического изучения памятников северо-западного Крыма, которое музей начал в 1959 г.¹.

Немногочисленные письменные источники позволяют предполагать, что Херсонес уже в IV в. до н. э. владел или управлял какой-то территорией, находящейся в северо-западном Крыму. По мнению исследователей, эту территорию можно отождествлять с упомянутой в тексте так называемой гражданской присяги херсонесцев² равниной, откуда в Херсонес поступал хлеб³. Видимо, там же были размещены укрепленные пункты херсонесцев. Однако без тщательного археологического изучения все суждения о характере, разmere и экономической весомости северо-западных владений в жизни Херсонеса могут носить только предположительный характер.

В результате разведок П. Н. Шульца⁴ и Херсонесского музея установлено, что побережье западного Крыма, начиная от устья р. Качи на юге и до Евпатории на севере, в античную эпоху было мало заселено. Ряд поселений известен на участке берега от Евпатории до пелесыпи оз. Донузлав. Наибольшее количество памятников находится на южном побережье Тарханкутского полуострова, от оз. Донузлав до м. Ойрат (Урет).

Таким образом, заселение побережья было довольно неравномерным и максимальной густоты достигало на участке между античными городами Керкинитидой и Калос Лименом. Как показали результаты предварительных разведок, на всех памятниках, начиная с самых ранних слоев, преобладает керамический материал херсонесского производства. Возникновение поселений около начала III в. до н. э. в период высшего экономического расцвета Херсонеса, обилие на них херсонесского материала, близость Керкинитиды и Калос Лимена, которые в этот период входили в состав Херсонесского государства, позволяют предположительно связывать образование поселений на Тарханкуте с возрос-

¹ А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на побережье северо-западного Крыма. СХМ, вып. II, Симферополь, 1961 г.

² IosPE, I2, № 401.

³ С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. В сборнике «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 320 и сл.; А. И. Тюменев. Херсонесские этюды. IV, ВДИ, 1950, № 2, стр. 48; В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 28; В. Ф. Гайдукевич. История античных городов Северного Причерноморья. В сборнике «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 79.

⁴ П. Н. Шульц. Евпаторийский район. Сб. «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941.

шим экономическим влиянием Херсонеса в этом районе и заинтересованностью в связях с ним местного населения. По-видимому, и Керкинитида и Калос Лимен имели в непосредственной близости небольшие сельские округи¹, может быть, типа ближайшей округи Херсонеса (Гераклейского п-ва), удовлетворявшие главным образом запросы самих городов. Основной же земледельческой и скотоводческой базой Херсонеса была территория, расположенная между этими городами и заселенная, по-видимому, одним из местных племен (сатархей?), позднее вошедшем в состав скифского государства, что и послужило одной из причин отпадения северо-западных земель от Херсонеса и последовавшей за этим длительной борьбы двух государств.

Поселение Тарпанчи, на котором проводились работы, находится в самом центре наиболее густо заселенного в древности участка побережья. Оно состоит из двух селищ и укрепленного городища между ними. Можно предполагать, что это одно поселение с укреплением в центре или, может быть, ранее возникшее укрепление постепенно обрастило селищами, своего рода хозяйственным «пригородом» (кстати, во много раз превышающим площадь укрепления). Ответ на эти вопросы смогут дать будущие раскопки.

В 1960 г. к северу от городища выявлены остатки большого зольника, почти полностью вывезенного в конце XIX — начале XX в. на окрестные поля для удобрения. По сведениям, полученным от старожилов с. Окуневки, установлено местоположение грунтового могильника, начинающегося в 250 м от городища, севернее восточного селища. Раскопки 1960 г. в основном были сосредоточены на городище. На восточном селище произведены небольшие зачистки у кромки берегового обрыва.

Раскоп на северном склоне городища примыкал к современной карьерной выборке глины, в обрезе которой прослеживалась прослойка горелого зерна. Выявлена часть внешней стороны оборонительной стены, окружавшей городище по периметру. Стена сохранилась на высоту до 1,95 м (рис. 1). Сложена она из довольно крупных камней почти без подтески на глиняном растворе. Наружная облицовка состоит из крупных камней, положенных плашмя, и несколько наклонена внутрь, так что стена сужается кверху, имея в поперечном сечении форму трапеции. По системе кладки она несколько приближается к ранней стене Неаполя скифского. Снаружи стена была обмазана толстым слоем сырой глины. Обмазка

¹ Существование таких округ выявлено для Керкинитиды исследованиями П. О. Бурачкова (ЗООИД, тт. IX, XII), Н. Ф. Романченко (ИАК, вып. 25), Л. М. Моисеева (ИТУАК, № 54), Б. Ф. Фармаковского (архив ЛОИА АН СССР) и М. А. Наливкиной (ИАДК, К., 1957), для Калос Лимена — упоминание А. И. Шмакова (ЗООИД, т. I).

кое-где частично сохранилась на камнях облицовки и в щелях между ними. Основная ее масса осипалась и лежала вдоль стены в виде аморфного вала глины. Судя по объему этого вала, толщина обмазки достигала 0,15—0,20 м.

Рис. 1. Оборонительная стена.

Поскольку открыта только наружная сторона, о толщине стены сказать что-либо невозможно. Стена, выходящая в обрез берегового обрыва со стороны рва, по-видимому, заканчивается башней.

За пределами городища, с внешней стороны оборонительной стены, между ней и рвом, раскопана часть наземного временного зернохранилища с запасами обуглившегося зерна. Хранилище, видимо, представляло собой открытое с трех сторон сооружение легкого типа, собственно навес, пристроенный к оборонительной стене. Перекрытие навеса состояло из наката жердей, обмазанных сверху глиной и присыпанных слоем земли или дерном. Глинобитный пол хранилища с отпечатками босых ног на его поверхности (рис. 2) лежит непосредственно на слое с керамикой III—II вв. до н. э. Керамика из слоя обуглившегося зерна, рухнувшего перекрытия навеса и слоя, перекрывавшего пожарище, относится ко II—I вв. до н. э., причем обломки сосудов из верхнего слоя преимущественно относятся к I в. до н. э. Таким образом, дата существования и гибели хранилища определяется рубежом II и I вв. до н. э.

Запасы зерна, лежавшего сплошным слоем на полу, оказались значительными. Толщина слоя колебалась между 0,18 и 0,22 м. Только с небольшой площади открытого участка (около 4,5 кв. м) собрано более 500 кг обуглившихся

Рис. 2. Отпечатки следов человека на глинобитном полу зернохранилища.

зерен пшеницы и ячменя. Местоположение навеса и большие запасы хлеба, хранившегося открыто, позволяют видеть в нем временный перевалочный пункт, куда свозился урожай с окрестных полей и откуда он поступал либо в постоянные зернохранилища, либо шел на отправку. Судя по всему, запасы зерна погибли во второй половине лета, после созревания хлебов и уборки урожая.

Гибель зернохранилища, по-видимому, произошла внезапно, в результате вооруженного нападения на городище. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что пожар связан с прослеживающимся частичным разрушением оборонительной стены. Кроме того, над слоем обугленного зерна в щели между камнями облицовки стены обнаружен застрявший в обмазке бронзовый трехгранный наконечник стрелы. Внезапность нападения может предполагаться по запасам хлеба, который не успели убрать в более безопасное место.

События, развернувшиеся у стен городища Тарпанчи и отраженные в раскопках, хорошо укладываются по времени и содержанию в острую политическую и военную обстановку конца II в. до н. э. В зависимости от того, кому в этот период

принадлежали земли и поселения, осаждающими могли быть либо скифы, либо отряд войск Диофанта или херсонесцев. Вторая версия более вероятна. Если к данным раскопок привлечь свидетельства письменных источников, то датировку набега на Тарпанчи можно, пока предположительно, но с довольно вескими основаниями, отнести ко времени второй экспедиции Диофанта¹. Именно в конце года, когда «время склонялось к зиме» и, следовательно, когда урожай уже был убран, войска Диофанта, имея в своем составе отряд херсонесцев, выступили против скифских крепостей, очевидно, в глубину полуострова. Но, «будучи задержан непогодами», понтийский полководец неожиданно для скифов повернул в приморские местности северо-западного Крыма. Внезапное изменение маршрута похода обусловило неожиданность нападения. Как можно понять из текста надписи, Диофант сравнительно быстро, без длительной осады захватил Керкинитиду и Стены² и приступил к осаде Калос Лимена, которую не закончил из-за дальнейшего развития хода военных действий. Осада Калос Лимена была завершена отрядом херсонесских войск³. Отдельные отряды или основные силы полководца могли двигаться в направлении Калос Лимена прибрежной дорогой, разрушая на своем пути поселения и укрепления, отпавшие от Херсонеса и принадлежавшие в это время скифскому государству (или вошедшие в союз с последним). Если это так, а этому не противоречат ни материалы раскопок, ни материалы разведок остальных поселений Тарханкута, то перед нами один из эпизодов борьбы Херсонеса со скифами.

На юго-восточном прибрежном участке открыта часть каменного жилого дома, относящегося к последнему периоду жизни городища (рис. 3). Стены дома сложены на глиняном растворе. Поскольку постройка находилась на склоне, поблизости от берегового обрыва, стена, обращенная к обрыву, была укреплена двумя контрфорсами, что не помешало ей, однако, западнее контрфорсов наклониться и выгнуться дугой в направлении ската. Направление стен, сторон городища и оборонительной стены совпадают. Такое же соответствие осей кладок наблюдается и в других местах прибрежной части, где происходит размыв поверхности. Все это позволяет говорить о правильной прямоугольной планировке и застройке городища в первые века н. э.

¹ IosPE, I², № 352.

² Локализация Стен не установлена. Судя по последовательности перечисления пунктов осады во время движения войск понтийского полководца, Стены должны находиться между Керкинитидой и Калос Лименом; возможно, что это были укрепления херсонесцев в районе Донузлава.

³ IosPE, I², № 353.

Раскрыты два помещения постройки (одно из них не полностью) с глиnobитными полами, соединенные между собой дверным проемом, шириной 0,80 м. (рис. 4). По сохранившимся металлическим деталям, пяточному камню и следам древесного тлена восстанавливается конструкция двери.

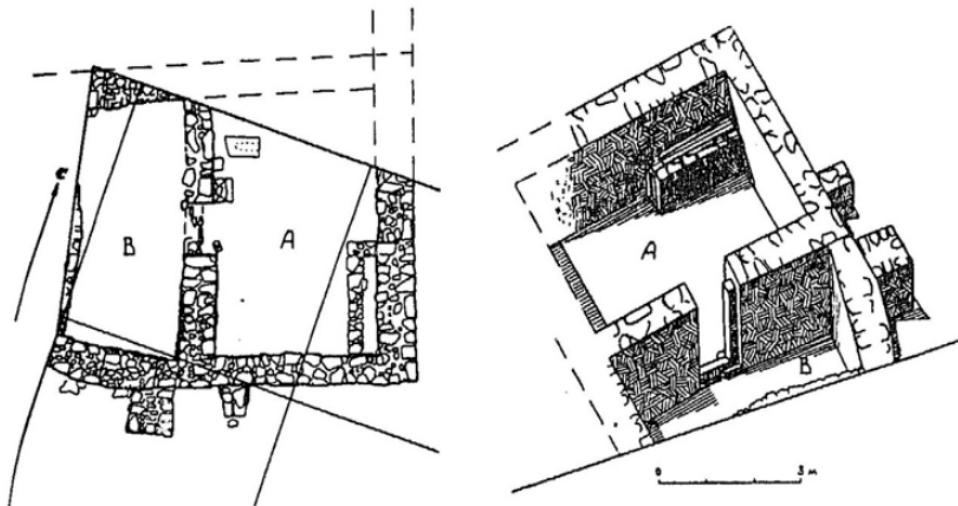

Рис. 3. Дом с контрфорсами.

Внутри стены и потолок были обмазаны глиной. Прослежены остатки рухнувшего деревянного перекрытия и земляной крыши. В большом помещении, очевидно, жилом, в юго-восточном углу к стене пристроена узкая прямоугольная довольно высокая (0,80 м) «лежанка». В противоположном по диагонали углу обнаружена массивная каменная ступа. Меньшее помещение, судя по находившимся в нем амфорам и кухонной посуде, имело, по-видимому, хозяйственное назначение.

Здание было покинуто жителями в полной сохранности. Никаких следов единовременного разрушения постройки не обнаружено. Зато постепенное многолетнее разрушение в силу естественных причин очень четко прослеживается по стратиграфии засыпи помещений. Это подкрепляется рядом других фактов, среди которых наибольший интерес представляет гнездо диких птиц, в том числе и хищных, просуществовавшее в оставленном людьми доме в течение нескольких лет. Рядом с гнездом собраны кости 43 особей мелких птиц, животных и змей (26 различных видов), употребленных в

пищу хищниками¹. Гибель постройки, очевидно, совпадает с окончательной гибелью всего поселения.

Причины, понудившие жителей покинуть поселение, на основании столь незначительных раскопок и до определения более твердой даты установлены быть не могут. В настоящее время мы можем предположить, с более или менее твердой

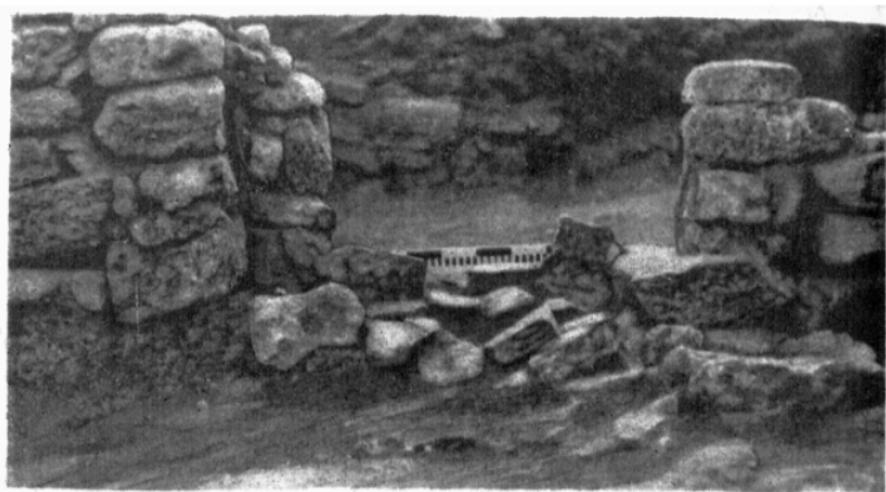

Рис. 4. Дверной проем.

уверенностью, что население ушло довольно спешно, скопес всего в результате приближавшейся военной опасности, и что это событие произошло не позже III в. н. э.

К восточной стене постройки примыкал небольшой зольничек, одновременный дому и, вероятно, связанный с ним. В зольнике, кроме других находок, обнаружено скопление из 165 астрагалов. Многие из них специально подпилены или снабжены насечками и дырочками.

Небольшие зачистки, проведенные на восточном селище у берегового обрыва, показали, что оно синхронно городищу. Можно предполагать, что в прибрежной части селища располагались хозяйствственные комплексы. Обнаружены остатки керамической обжигательной печи, впоследствии превращенной в мусорную яму. По особенностям конструкции она сходна с печью, открытой на городище Красное (Кермен-Кыр)², но более монументальна. Сохранность ее намного

¹ Кости животных и птиц определялись сотрудниками Института зоологии АН УССР А. С. Уманской, В. О. Топачевским и Н. Н. Щербаком, результаты определения птиц проверены проф. М. А. Воиновским. Результаты исследования изложены в работе, подготовленной к печати автором настоящей статьи и Н. Н. Щербаком. Там же дана более подробная характеристика постепенного разрушения постройки.

² О. И. Домбровский. Керамическая печь на скифском городище «Красное». ИАДК, Киев, 1957.

хуже изданной О. И. Домбровским. Продукция печи — лепная посуда, в том числе предназначенная для игр детей; причем последняя повторяет формы античной керамики.

В зачищенных хозяйственных ямах, которые выходили в обрез берега, найдено очень много костей крупных и мелких домашних животных (овца, коза, свинья, собака, бык, лошадь), а также костей дельфинов, костей и чешуи рыб (кефаль, камбала-калкан, осетр)¹, кleşней и панцирей крабов. Кости животных и рыб были встречены при раскопках городища. Вероятно, скотоводство и рыбная ловля, наряду с земледелием, имели в экономике поселения первостепенное значение.

В результате двухлетних работ Тарханкутской экспедиции² нам кажется возможным высказать предварительное предположение о значительной степени эллинизации местного населения Тарханкута. Видимо, этому способствовала близость античных городов и обоюдная заинтересованность в постоянных связях, подобно тому, как приблизительно такой же процесс происходил с населением, окружающим Ольвию (каллипиды, эллины-скифы Геродота, также миксэллины). Область попадает в экономическую сферу Херсонеса, становясь его житницей. Связи с Херсонесом прослеживаются до конца античной эпохи. Однако, как это уже отмечалось исследователями, владения Херсонеса в северо-западном Крыму никогда не были особенно прочными. Возможно, что с фактическим отпадением земель или с угрозой отпадения античный город сталкивался не раз на протяжении своей истории. Для I в. н. э. это косвенно подкрепляется находкой в 1958 г. клада римских монет на пересыпи Сакского озера, который может быть связан с одной из экспедиций мизийских войск, предпринятой по просьбе Херсонеса в результате нового обострения обстановки в этом районе.

¹ Костные остатки рыб определены сотрудниками Института биологии южных морей в Севастополе Ю. С. Алеевым и В. Д. Бурдак.

² В 1960 г. экспедицией ИА АН СССР совместно с Одесским музеем начаты раскопки Южного Донузлавского городища у д. Поповка (рук. О. Д. Дашевская). Первые результаты раскопок подтвердили близость городищ у Поповки и Тарпачи как по материалам, так и по характеру строительных остатков. См. О. Д. Дашевская. Раскопки Южного Донузлавского городища в 1960 г. Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного университета и Одесского археологического музея в 1960 г. Одесса, 1961, стр. 51—58.

B. ФОНДЫ

О. И. ДОМБРОВСКИЙ

ХЕРСОНЕССКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ

В архитектурном лапидарию Херсонесского музея хранится 820 средневековых — целых и фрагментированных — архитектурных деталей, найденных в Херсонесе при археологических раскопках. Кроме того, ряд капителей, карнизов, наличников и облицовочных плит с рельефным орнаментом включен в экспозицию средневекового отдела музея, а во дворе, рядом со зданием лапидария, установлены на базах колонны, увенчанные капителями и импостами. Несколько подобных колонн (тоже с базами, капителями и импостами), а также детали порталов украшают руины так называемой базилики 1935 г. на северном берегу Херсонеса. Около десятка баз и капителей находится в других местах городища при остатках средневековых зданий, с которыми они были связаны. Отдельные, возможно, самые красивые из херсонесских капителей можно встретить в южнобережных парках, когда-то принадлежавших российской знати и царской фамилии. Некоторое число средневековых архитектурных деталей из Херсонеса имеется также в других музеях СССР.

Количество деталей, рассеянных вне Херсонеса, пока не учтено, однако все собранное в лапидарию и экспозиции музея свидетельствует об оживленной строительной деятельности этого средневекового города и позволяет судить с достаточной полнотой о различных ее этапах.

Большая часть херсонесской коллекции состоит из привозных изделий из мрамора (за немногими исключениями проконнесского). Среди мраморных деталей лишь изредка встречаются произведения местных каменотесов — главным образом базы колонн. Они сделаны намного грубее привозных, и, как правило, материалом для их изготовления послужил мрамор античных архитектурных деталей и саркофагов.

В период раннего средневековья местное камнерезное дело сильно сократилось по сравнению с античным. Привоз-

ные архитектурные детали — стандартная продукция проконнесских каменоломен — вполне удовлетворяли нужды Херсонеса. Обходились они, по-видимому, сравнительно недорого, вероятно, не дороже местных изделий, ибо их могли привозить сюда в качестве балласта торговые корабли¹.

Найденные в Херсонесе мраморные средневековые карнизы, наличники и опоры проемов, архивольты, сандрики, капители, импосты совпадают по размерам и рисунку с аналогичными деталями храмов Константинополя и других центров Византийской империи². В ту эпоху одинаковые архитектурные детали зачастую использовались в постройках, различных по характеру и размерам. Так, например, в нартексе Софии Константинопольской имеются боковые двери, наличники и сандрики которых почти повторяются в главном входе херсонесской базилики 1935 г. Мраморы этой базилики опубликованы Г. Д. Беловым и А. Л. Якобсоном³.

Мраморные архитектурные детали, применявшиеся в Херсонесе, строго говоря, являлись как бы инородными телами в кладке построек, в которых они использовались. Все храмы средневекового Херсонеса, начиная от ранних базилик V—VI столетий и кончая купольными храмами XII—XIII вв., были выстроены из местного известняка, чаще всего бута, с вязкой углов тесанным камнем и включением кирпичных поясков и арок. Стены этих зданий нередко были оштукатурены с обеих сторон. Лишь отдельные храмы были снаружи облицованы тесанным камнем с прямоугольной лицевой стороной или — еще реже — сложены из квадров. Соединение с бутовой кладкой мраморных украшений (наличники, карнизы, сандрики и т. п.), а также мраморных конструктивных элементов (базы, колонны, капители, импосты) являлось недостаточно органичным. Будучи в то же время общепринятым оно, по-видимому, порождало известную неразборчивость в выборе деталей и почти безразличное отношение к их стилю. Поэтому одни и те же детали часто переносились из одной упраздненной и разобранной постройки в другую; нередко использовались античные мраморы, а порой в каком-либо одном здании комбинировались разностильные и разнокалиберные детали, как в той же базилике 1935 г. Это явление, вообще характерное для византийской архитектуры (до XI—XII столетий) в таких провин-

¹ А. Л. Бертье-Делагард. Раскопки Херсонеса. МАР, вып. 12, 1893, стр. 29—30.

² Ср. R. Kautzsch. Kapitellstudien. Beiträge zu einer Geschichte des spätantiken Kapitells im Osten vom vierten bis sechsten Jahrhundert. Berlin—Leipzig, 1936.

³ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг. Изд. Кр. АССР, 1938, стр. 94, рис. 57, 58; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, М.—Л., 1959, стр. 151.

циальных городах, как Херсонес, могло усиливаться стремлением к экономии расходов на строительство. Данное обстоятельство служит одной из причин затруднений, иногда возникающих здесь перед археологами при выяснении времени тех или иных строительных остатков по архитектурным деталям, значение которых как датирующего материала ограничено; к датировке их самих приходится подходить с крайней осторожностью. Подчеркнем, что хронологизация их затрудняется еще и тем, что ранние формы таких деталей время от времени воскрешались в новых изделиях. Однако, хотя при повторениях порядок их составных элементов и не изменялся, в художественной трактовке последних, а особенно в профилировке и силуэтах самих деталей, иногда скрывались стилистические перемены.

При размещении архитектурной коллекции на стеллажах херсонесского лапидария все экспонаты были сгруппированы по их архитектурной спецификации. В то же время это размещение преследует и хронологический принцип. В основном, мы придерживались той хронологии, которая была дана А. Л. Якобсоном для херсонесских капителей в его труде о раннесредневековом Херсонесе¹. Однако, оказалось возможным внести в нее ряд уточнений, о которых сказано ниже.

Наиболее раннюю, привлекающую своим изяществом, но немногочисленную группу архитектурных деталей представляют обломки так называемых феодосианских капителей V в. (рис. 1). Прямые их аналогии встречаются как в Константинополе, так и на окраинах Византийской империи². Некоторые из них — почти целые — отличаются близостью грациозных очертаний к античному римскому прототипу. Наряду с тем применение зубчатого сирийского аканфа вносит в них известную суховатость. Другие, более поздние капители с зубчатым аканфом отличаются резкой сухостью формы благодаря дугообразным рельефным линиям, объединяющим зубцы каждого аканфового листа³. В отдельных капителях наблюдается смешение стилей: при зубчато-листовом калафе верх капители — волюты, абака с ее цветком и листьями — выполнен в технике «мягкой» резьбы, не оставляющей следов сверла и характерной уже для VI и последующих столетий. К V или раннему VI столетию можно отнести и коринфизированные капители с зубчатым аканфом, осложненные фигурами птиц и животных.

Никаких иных архитектурных деталей, родственных феодосианским капителям, в Херсонесе почти не встречается, что подчеркивает заморское происхождение таких капителей.

¹ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 132—151.

² Ch. Diehl. Manuel d'art Byzantin. Paris, 1910, стр. 119, 128, 129, 177.

³ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 135—136, рис. 47.

Рис. 1. Капитель V в. с зубчатым аканфом из коллекции Херсонесского музея.

За ними следуют более многочисленные и разнообразные детали V—VI вв., среди которых преобладают капители, так наз. «византийско-коринфского» ордера, представляющего собой, как известно, раннесредневековый вариант римского композита (рис. 2). К ним примыкают импости и карнизы,

Рис. 2. Варианты «византийско-коринфских» капителей.

украшенные мягким аканфом, крестами и монограммами, нередко, впрочем, повторямыми и в более поздних памятниках. Возможно, что сюда же относятся и отдельные импости, а также некоторые импостные капители «византийско-ионийского» ордера с аканфом, выполненным с применением

набора различных сверл (рис. 3). Капители, карнизы и другие изделия этого стиля отличаются чистотой работы, живым, непринужденным характером многочисленных растительных мотивов, богатством различных вариантов основного из них — аканфа.

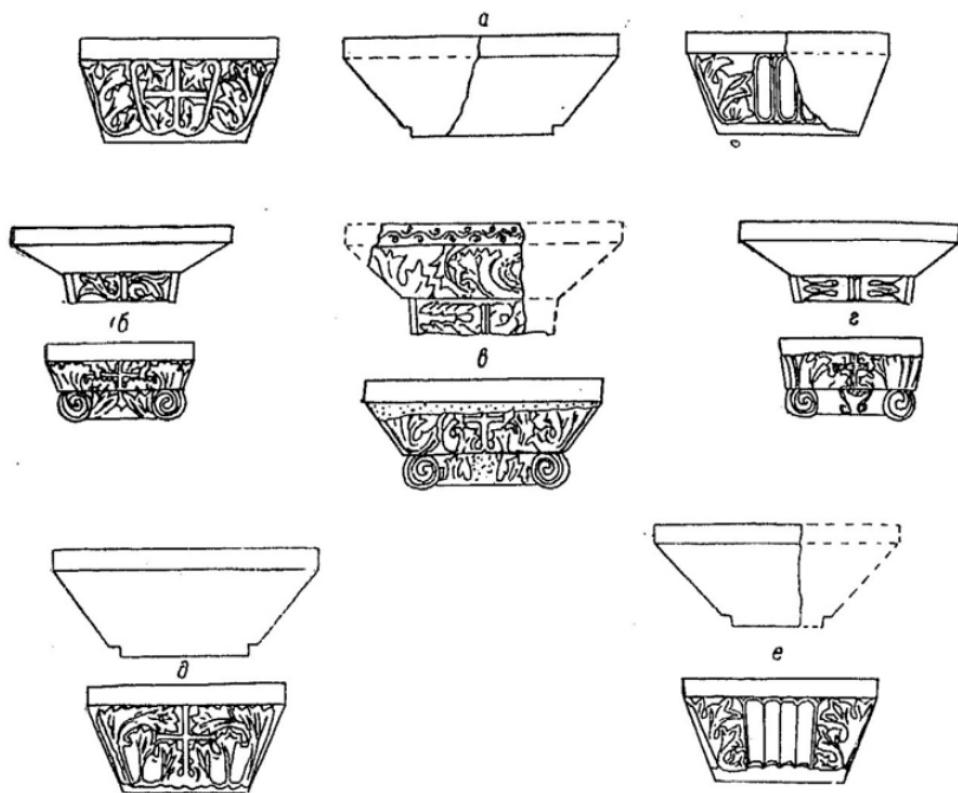

Рис. 3. Ранние образцы импостов и импостных капителей.

Обилие и разнообразие размеров и форм архитектурных деталей свидетельствует об интенсивном городском строительстве средневекового Херсонеса в первый период его расцвета в V—VI столетиях.

Третью группу, не менее многочисленную, чем вторая, составляют архитектурные детали VIII—XI столетий. Подавляющее большинство их, по-видимому, можно отнести к концу IX и X векам — времени второго расцвета Херсонеса после длительного упадка его экономики и, следовательно, строительства¹.

В IX—X вв. строители Херсонеса не ограничивались применением привозных мраморных деталей; они изготавливали

¹ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 35—46, 59—62.

аналогичные украшения из мрамора и местного камня, подражая в них привозным изделиям. Стиль архитектурных порезок этого времени отличается (у импортных — в меньшей, а у местных — в большей степени) грубоватостью исполнения и характерной для той эпохи антиканизацией — своеобразным возвратом к эллинистическим и римским об-

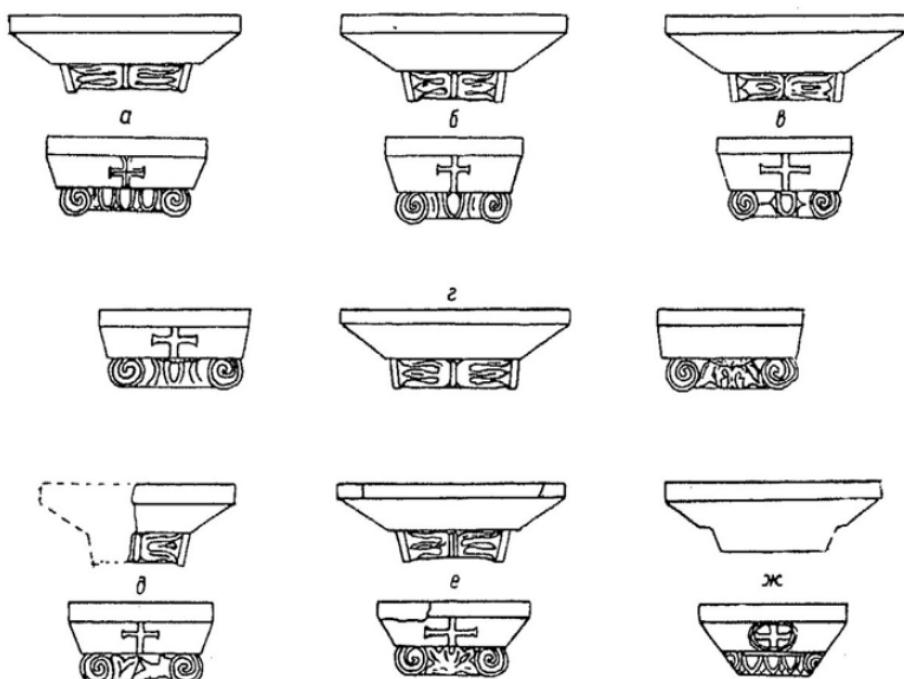

Рис. 4. Варианты импостных капителей VIII—X столетий.

разцам. К этому времени, как мы полагаем, можно отнести, наряду с другими деталями, некоторые из наиболее крупных коринфских капителей с мягким аканфом, а также большую часть импостных капителей «ионийского» ордера с овами и без них¹ (рис. 4). Среди последних встречаются капители явно местной работы; базы колонн, карнизы и другие детали в это время изготавливались преимущественно на месте.

Четвертую группу архитектурных деталей (рис. 5), даты которых пока недостаточно ясны и которые, по-видимому, относятся к разному времени, составляют плиты предалтарных преград и их столбы, декоративные архивольты, облицо-

¹ Cp. S. Strzygowski, Die Akropolis in altbizantinischen Zeit. Ath. Mitt., 1889, стр. 229, 233, 240.

вочные плиты, решетки, мелкие капители и базы опор киво-риев или малых подпорных колонн оконных проемов, а также некоторые наличники, замковые камни арок и миниатюрные карнизные пояски, завершившие мраморные панели. Применение таких деталей было обычным во всем строительстве VI—X столетий.

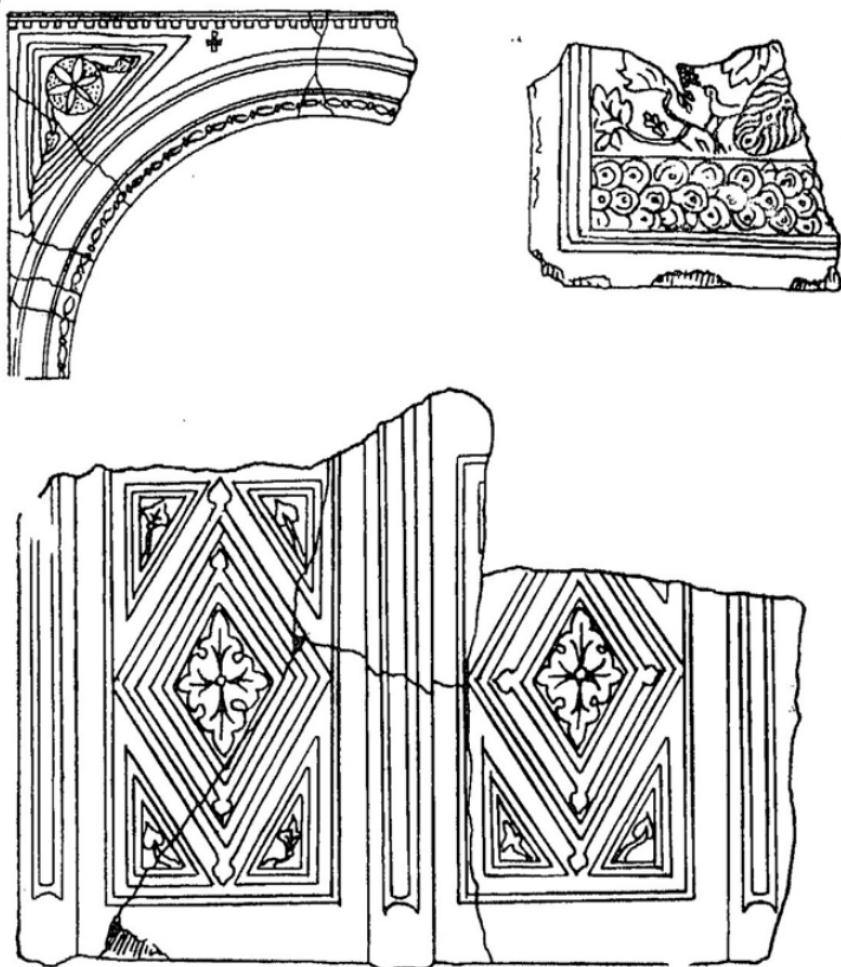

Рис. 5. Резные плиты из Херсонеса.

Позднее X века благодаря замене базилик купольными храмами архитектура последних сделала ненужным такой, например, конструктивный элемент, как колонны. Однако большая часть архитектурных деталей, характерных для раннего средневековья, продолжала применяться и в более поздних постройках, играя в них чисто декоративную роль. Впрочем, в отдельных случаях, как, например, в церкви

Иоанна Предтечи в Керчи¹, старые колонны, базы и капители использовались по их прямому назначению: в этом четырехстолпном храме XI—XIV вв. четыре колонны, взятые из какой-то ранней постройки, поддерживают столбы, арки и паруса, на которых стоит высокий барабан с куполом. Нечто подобное могло иметь место и в Херсонесе. Кроме того, здесь в X—XII столетиях некоторые храмы имели снаружи перед входами сени на колоннах, напоминавшие античные портики. В качестве следов такого портика могут рассматриваться, например, небольшая мраморная база местной выделки и подходящая к ней по диаметру импостная «византийско-ионийская» капитель, которые были найдены перед входом в храм в 1958 г.². Подобные портики, по-видимому, имели и более поздние херсонесские храмы — Загородный крестообразный и так называемый Храм с ковчегом. Вопреки традиционной, но, как мы полагаем, ошибочной датировке, мы их относим — на основании раскопок последних лет — не к раннему этапу развития архитектуры Херсонеса, а к XI—XII векам³.

В связи с археологическим доследованием упомянутых храмов (раскопки автора), а также других построек средневекового Херсонеса (раскопки С. Ф. Стржелецкого и Г. Д. Белова), мы попытались при устройстве лапидария внести некоторые уточнения в прежнюю хронологизацию херсонесских архитектурных деталей. А. Л. Якобсон без должного стилистического разбора отнес к V—VI вв. мраморные детали, украшенные аканфом или овами, в том числе и все «византийско-ионийские» капители с импостами. Кроме того, он преувеличил размах строительства Херсонеса в V—VI столетиях и недооценил не менее широкую строительную деятельность, протекавшую в нем в X—XII веках. Между тем, как показали раскопки последних лет, в начале этого периода, накануне похода Владимира на Корсунь и вслед за этим событием (после нормализации торговых отношений Херсонеса с Русью), в городе восстанавливались многие из крупных базилик⁴. Одновременно в нем строились и другие, тоже по тому времени значительные храмы. Естественно, что в связи с этим не только могли использоваться старые

¹ Ю. С. Асеев, Г. А. Лебедев. Архитектура Крыма, Киев, 1961, стр. 19.

² О. И. Домбровский, Е. А. Паршина. О раннесредневековой застройке античного театра. СХМ, вып. 1, 1960, стр. 37 и сл. База и капитель, о которых идет речь, здесь не упоминаются, т. к. они извлечены из земли при продолжении раскопок в 1960—61 гг. (см. отчет автора: «О раскопках на участке античного театра в Херсонесе в 1960 г.», архив Отдела античной и средневековой археологии Крыма ИА АН УССР).

³ См. отчет автора: «О раскопках Загородного крестообразного храма в Херсонесе в 1953 году», архив ГХМ, д. № 708.

⁴ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 144—147.

архитектурные детали, но и производились новые того же типа. Это обстоятельство обязывает к более внимательному анализу и более осмотрительной классификации архитектурных деталей средневекового Херсонеса¹.

Ошибка А. Л. Якобсона состоит и в недооценке той своеобразной эллинизации искусства Византии, которая была характерна для начала поспеиконоборческого периода. В области архитектурного декора она проявлялась, конечно, менее четко, чем в изобразительном искусстве того же времени. Тем не менее запоздалые реминисценции подобного рода можно отличить от проявлений подлинных традиций античной архитектуры, которые в V—VI вв. еще были живы в византийском зодчестве и резьбе по камню.

Значительное число находящихся в Херсонесе капителей с импостами и волютами позволяет проследить постепенную утрату античных элементов (аканф, овы, волюты) и замену их церковной эмблематикой, средневековыми растительными мотивами. Херсонесская коллекция может дать представление и о дальнейших модификациях византийской капители, постепенно утрачивающей конструктивное значение и превращающейся в придаток различных декоративных выступов, пилистр, нервюр, кронштейнов, подпирающих паруса и арки перекрытий. Мелкие капители этого типа, найденные в Херсонесе и относящиеся к XI—XII столетиям, носят следы отдаленных веяний романского стиля (рис. 6).

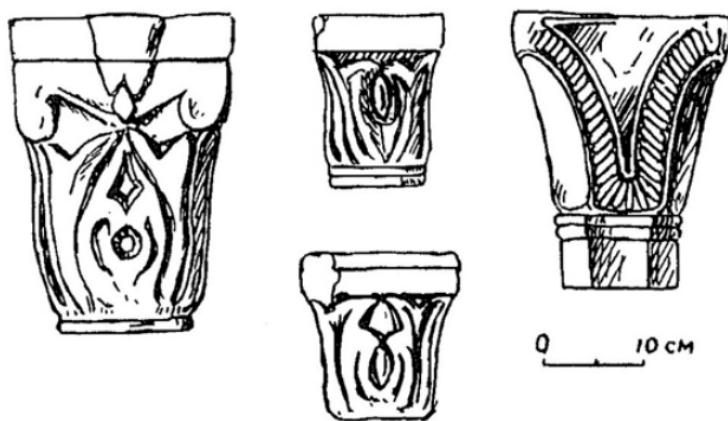

Рис. 6. Мелкие херсонесские капители романализированного типа.

¹ Подобные примеры часты в периферийной византийской архитектуре; см., например, аналогичные херсонесским архитектурные детали IX—X вв. из Преслава. B. Filov. Geschichte der altbulgarischen Kunst, Berlin und Leipzig, 1932, табл. 13, 16, 29.

Кубовые и конические капители представлены в Херсонесе единичными экземплярами, так же, как и единственная капитель зонтичного типа. Орнаментовка этих капителей не позволяет отнести их к VI веку, как думает А. Л. Якобсон¹; приводимые им ранние аналогии помогают уяснить лишь их генезис, но не дату. Условная, геометризованная трактовка растительных мотивов, форма «процветших» крестов и другие украшения двух кубовых и одной конической капители из Херсонеса свойственны скорее VIII—IX столетиям. Они находят множество близких аналогий на самых разнообразных предметах того времени.

Еще одну наиболее позднюю группу архитектурных деталей средневекового Херсонеса (XII—XIII вв.) составляют орнаментированные замковые камни арок, архивольты, декоративные вставки и наличники местной работы из мягкого мелкопористого сарматского известняка (рис. 7). Все эти

Рис. 7. Архитектурные детали XII—XIII столетий из собрания Херсонесского музея.

детали украшены характерной для своего времени плетенкой, «процветшими» крестами и весьма стилизованными изображениями вьющейся лозы, канфаров, фантастических птиц и зверей. Они носят заметный отпечаток того восточно-византийского стиля, который расцвел (и несколько видоизменил-

¹ А. Л. Якобсон. Ук. соч., стр. 147—148, рис. 54.

ся) в мусульманской архитектуре, а в наше время получил название сельджукского. Он в значительной степени определил характер трапезундской и армяно-малоазийской орнаментики и, видимо, проник в Херсонес, с одной стороны, благодаря торговле с Трапезундом, а с другой — вместе с армянами, следы пребывания которых наблюдаются тут с XI—XII вв. Довольно широкое применение в архитектуре позднего Херсонеса подобных деталей соответствует той общей ориентализации, которую переживало тогда византийское искусство; оно же свидетельствует и о возросшем мастерстве херсонесских резчиков по камню и новом росте местного камнерезного ремесла.

Наша беглая характеристика херсонесской коллекции средневековых архитектурных деталей является, конечно, предварительной. Предпринятые в 1961 г. обмерные работы и архивные изыскания вскоре лягут в основу ее научного каталога. Над его составлением в связи с темой «Архитектура античного и средневекового Херсонеса» работают совместно музей и Крымский отдел Института археологии АН УССР. Однако уже и теперь ясно, что эти детали позволят выполнить реконструкцию целого ряда памятников. В результате станет возможным яснее представить архитектурный облик наиболее значительного из городов средневекового Крыма.

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА

НЕГАТЕКА МУЗЕЯ

Сто лет существует Херсонесский историко-археологический музей. Семьдесят лет насчитывает его негатека.

Первые снимки памятников и раскопок Херсонеса были сделаны в 1889—90 гг. Они выполнялись по заказу К. К. Косцюшко-Валюжинича фотографами частных севастопольских фотографий или просто случайными лицами. На паспарту некоторых снимков читаем: «М. Протопопов. Крымская фотография. Севастополь». Или: «С. И. Райниш. Севастополь». Многие без каких-либо пометок. К этим ранним снимкам негативов нет.

Первые негативы относятся к 1898—99 гг. С этого времени К. К. Косцюшко-Валюжинич собирает их более или менее систематически. Пополняется негатека и после его смерти, во время археологических работ Р. Х. Лепера в Херсонесе и на Мангуп-Кале в 1908—1914 годах. С 1915 по 1926 г. съемки в Херсонесе фактически не проводились. Есть

несколько негативов этого времени, сделанных во время разведочных раскопок Л. А. Моисеева на участке западных оборонительных стен в 1922 г. и К. Э. Гриневича в периболе 17-й куртины в 1925 г. С 1926 по 1941 г. и затем с 1945 г. по настоящее время ведется систематическая фотофиксация археологических работ.

По характеру материала негативы херсонесской негатеки можно разбить на четыре группы:

1. Фотофиксация археологических раскопок.
2. Вещи из раскопок.
3. Состояние раскопанных памятников в разные годы.
4. Экспозиция музея.

Первая группа, пожалуй, самая многочисленная. В нее входят негативы всех тех лет, о которых говорилось выше. О значении фотографирования всего хода раскопок говорить не приходится. В этой связи следует упомянуть одно неожиданное приобретение. После Великой Отечественной войны в СССР из Германии вернулись многие ценности, вывезенные туда во время войны. В Херсонесский музей поступила партия негативов, которая до войны не принадлежала музею. Это были снимки памятников и раскопок Херсонеса, сделанные в 1897—1902 годах. В это время К. К. Косцюшко-Валюжинич в редких случаях имел возможность снимать весь ход работ, так как у него не было постоянного фотографа. Как правило, производилась фотосъемка уже целиком раскопанного памятника.

Ценность поступивших негативов заключается в том, что на них зафиксирован процесс раскопок южных оборонительных стен города. Это почти единственные фотодокументы, раскрывающие подробности исследования обороны города в дореволюционный период. Недавно удалось установить, что эти негативы принадлежали штабс-капитану В. Заварову, который в порядке любезности выполнял просьбы К. К. Косцюшко-Валюжинича.

Вторую многочисленную группу негативов составляют снимки вещей. Часто они являются почти единственным источником при определении научного паспорта памятников, утративших инвентарные номера или не имевших их вовсе. К. К. Косцюшко-Валюжинич, например, вообще не инвентаризировал материал из раскопок, составляя коллекции по типам предметов. Собрать вещи из его раскопок в комплекты по месту и обстоятельствам находок возможно только при наличии фотоснимков того времени.

Сейчас коллектив музея ведет подготовку полного издания лапидарных памятников Херсонеса (скульптуры, эпиграфики, архитектуры). Во многих случаях паспорта памятников удается установить благодаря фотографиям прошлых лет.

В связи с этой же работой негатека пополнилась новыми негативами с полностью отснятыми коллекциями скульптуры, эпиграфики и частично архитектуры.

Архитектурные остатки древнего Херсонеса, раскопанные в различные годы, фотографировались неоднократно в течение всех лет существования музея. При К. К. Косцюшко-Валюжиниче снимались памятники, открытые во времена работ в Херсонесе Одесского общества истории и древностей, при Р. Х. Лепере фотографировались памятники, открытые К. К. Косцюшко-Валюжиничем, и т. д. В 1924 г., впервые в советское время, были проведены большие съемки, фиксирующие состояние памятников херсонесского городища. Позже съемки такого характера производились в 1926, 1927, 1929, 1947, 1958, 1961 годах. Много снимков сделано во время реставрационных и консервационных работ, проводимых на городище после 1945 г.

Великолепной иллюстрацией к истории самого Херсонесского музея являются снимки его экспозиции. В 1861 г. при херсонесском монастыре было организовано «нечто вроде музея» (из сообщения гр. Уваровой). Более подробных сведений о монастырском музее у нас нет. Нет и его снимков. Но много раз фотографировался «Склад местных древностей», созданный К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1889 г. Имеются негативы съемок внутренних помещений склада и его двора, где размещались собранные при раскопках многочисленные находки.

В 1925 году был организован Государственный историко-археологический музей Херсонеса, который разместился в зданиях бывшего монастыря. Его экспозиция, отвечавшая требованиям археологической науки того времени, была зафиксирована на негативах. В 1936, 1941, 1949, 1958, 1961 гг. съемки экспозиции музея были продолжены.

Сейчас негатека Херсонеса насчитывает около 15 тысяч экземпляров. В последние два года создана фототека. К каждому негативу сделан контрольный снимок, который наклеен на паспорт. Негативы и фотоснимки расставлены в специальных шкафах в порядке инвентарных номеров. Начато составление каталога негатеки.

Все это способствует лучшей сохранности негативов и облегчает пользование фотоархивом музея.

ЛИТЕРАТУРА О ХЕРСОНЕСЕ, ВЫШЕДШАЯ В 1961—1962 гг.

- Херсонес Таврический. Путеводитель. Крымиздат, 1962.
- Сообщения Херсонесского музея, вып. II, Крымиздат, 1961.
- Херсонесский сборник, вып. VI, Крымиздат, 1961.
- Анохин Б. А. Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области. Сб. «Эпиграфика и нумизматика», III, 1962.
- Анохін В. О. Хронологія тетрасаріїв Херсонеса (138—295). Археологія, т. XIV, Київ, 1962.
- Белов. Г. Д. Раскопки в Херсонесе в 1959 году. Сообщения Государственного Эрмитажа, XXII 1962.
- Борисова В. В. Херсонесское надгробие, поставленное вскормлеником. ВДИ, № 2, 1962.
- Голенко К. В. К датировке некоторых монет Херсонеса. Сб. «Эпиграфика и нумизматика», III, 1962.
- Головко И. Д. Археологические издания Херсонесского музея. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. IV, 1962.
- Іванова Г. П. Неопубліковані скульптурні фрагменти Херсонеського музею. Археологічні пам'ятки УРСР, т. XI, Київ, 1962.
- Anna P. Iwanowa. Das Grabrelief von Bosporus und Chersones. Das Altertum, Band 8, Heft 2, Berlin, 1962.
- Кадеев В. И. Соляной промисел в позднеантичному Херсонесе (I—IV ст. н. е.). Археология, т. XIII, Киев, 1962.
- Кадеев В. И. Риболовный промисел у Херсонеса в первых веках н. е. Труды исторического факультету Харьковского государственного университета, т. IX, 1962.
- Карышковский П. О. Херсонесский сборник, вып. V. Сообщения Херсонесского музея, вып. I—II (рецензии), СА, 4, 1962.
- Карышковский П. О. Об эре Херсонеса Таврического. Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета им. Мечникова и Одесского государственного археологического музея. Одесса, 1961.
- Новикова Р. А. Симмнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического. ВДИ, 1961, № 2.
- Соломоник Э. И. Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму. ВДИ, 4, 1961.
- Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, вып. VI, Крымиздат, Симферополь, 1961.
- Суров Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
- Талис Д. Л. Вопросы периодизации истории Херсонеса в эпоху раннего средневековья. Византийский временник, XVIII, 1961.

- Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет. *Византийский временник*, XIX, 1961.
- Фролова Н. А. Неизданная золотая монета античного Херсонеса. Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного университета им. Мечникова и Одесского государственного археологического музея. Одесса, 1961.
- Щеглов А. Н. К истории древнего виноградарства в Крыму. Журнал «Виноградарство и садоводство Крыма», № 12, 1961.
- Якобсон А. Л. О численности населения средневекового Херсонеса. *Византийский временник*, XIX, 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 1913.
- ВДИ — Вестник древней истории.
- ГХМ — Государственный Херсонесский музей.
- ДБК — Древности Боспора Киммерийского.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
- ЗНОРАО — Записки нумизматического отделения Русского археологического общества.
- ИАК — Известия императорской археологической комиссии.
- ИА — Институт археологии Академии наук СССР.
- ИАН — Известия Академии наук СССР
- ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
- ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры.
- ИАДК — История и археология древнего Крыма.
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
- МАР — Материалы по археологии России.
- ОАК — Отчет археологической комиссии.
- СА — Советская археология.
- СХМ — Сообщения Херсонесского музея.
- Хсб. — Херсонесский сборник.

- Arch. Anz. — Arhäologischer Anzeiger.
- Ath. Mitt. — Athenische Mitteilungen (Mitteilungen des deutschen Arhäologischen Instituts, Athenische Abteilung).
- IG — Inscriptiones Graecae.
- G. Mihailov. IGBulg — G. Mihailov. *Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae*.
- IosPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
- JAI — Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts.
- JRS — Journal of Roman Studies.
- MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua.
- Röm. Mitt. — Römische Mitteilungen (Mitteilungen des deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung).
- ZfN — Zeitschrift für Numismatik.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Публикация памятников

П. Н. Шульц. Надгробный рельеф из с. Марьино	3
Э. И. Соломоник. Надписи на стеле из с. Марьино	10
А. М. Гилевич. Бронзовый медальон из Асcosa	15
А. П. Иванова. Фрагменты мраморных саркофагов II—III вв. н. э.	19
Н. В. Пятышева. Глиняная таблетка с изображением козлов	25
Ф. И. Герловина. К вопросу о херсонесской статуе Девы	30
В. И. Кадеев. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса	32
Приложение	39

Б. Полевые исследования

В. В. Борисова. Раскопки в цитадели в 1958—1959 гг.	45
Г. Д. Белов. Раскопки Херсонеса в 1961 г.	55
И. А. Антонова. Западный фланг обороны Херсонеса	60
А. Н. Щеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г.	67

В. Фонды

О. И. Домбровский. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей	76
Л. Г. Колесникова. Негатека музея	86
Литература о Херсонесе, вышедшая в 1961—1962 гг.	89
Список сокращений	90

15164.

СООБЩЕНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

Выпуск III

Редактор издательства З. Иванова
Художественный редактор И. Литвинов
Технический редактор Н. Исупова
Корректор Н. Зейгарник

Сдано в набор 12.VI 1963 г. Подписано к печати 2.XII 1963 г. БЯ 00147.
Бумага 60×92^{1/2}мм. Объем 5,75 физ. п. л. 5,75, усл. п. л. 5,62 уч.-изд. л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 1911. Цена 28 коп.

Крымиздат, Симферополь, Горького, 5.

Крымоблтипография, Симферополь, проспект им. Кирова, 32/1.